

Алекс Скай

ОН МНЕ
БОЛЬШЕ
не муж,

— или —

ЧУЖАЯ ЖЕНА
ДЛЯ МИЛЛИАРДЕРА

Алекс Скай

**Он мне больше не муж, или
Чужая жена для миллиардера**

«Автор»

2026

Скай А.

Он мне больше не муж, или Чужая жена для миллиардера /
А. Скай — «Автор», 2026

В день годовщины Арина ждала мужа к семейному ужину. Свечи, пирог, сын в нарядной рубашке — всё должно было напоминать, что у них ещё есть семья. Но Кирилл вернулся поздно. С чужим ароматом на одежде, следом помады на воротнике и телефоном, который он слишком старательно прятал. А потом Арина увидела сообщение от другой женщины: «Когда ты скажешь жене, что она тебе больше никто?» Кирилл был уверен: Арина никуда не денется. У них ребёнок, общий дом, деньги под его контролем и восемь лет брака за спиной. Только он не учёл одного — женщина, которую слишком долго считали удобной, однажды вспоминает себе цену. Когда в её жизни появляется Демид Орлов, жёсткий миллиардер с холодным взглядом и опасной привычкой всё контролировать, Арина сначала видит в нём новую угрозу. Но именно он первым говорит ей правду без жалости и давления. Арина больше не хочет быть ни чьей женой по привычке. Она выберет себя. А потом решит, кому позволить идти рядом.

Содержание

Глава 1. Чужая помада на воротнике	5
Глава 2. Он мне больше не муж	19
Глава 3. Миллиардер, которому я задолжала чужую правду	34
Глава 4. Не трогай моего сына	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алекс Скай

Он мне больше не муж, или Чужая жена для миллиардера

Глава 1. Чужая помада на воротнике

В тот вечер Арина Лебедева впервые поняла, что предательство не входит в дом громко. Оно не хлопает дверью, не роняет чемодан в прихожей, не кричит чужим женским голосом из телефонной трубки. Оно приходит почти буднично: с задержкой на два часа, с раздражённым «я устал», с дорогим ароматом, который не покупали вместе, и с маленьким алым следом на воротнике белой рубашки.

Следом, который невозможно не заметить, если ты восемь лет стираешь эти рубашки, гладишь их по утрам и знаешь каждую пуговицу лучше, чем собственные мечты.

Арина стояла у плиты и помешивала соус, хотя соус давно был готов. В кухне пахло запечённой говядиной, розмарином, тёплым хлебом и яблочным пирогом, который Миша помогал украшать днём, старательно выкладывая дольки так, будто строил крепость от всего плохого в мире.

— Мам, папа уже едет? — спросил он в седьмой раз за вечер.

Арина не повернулась сразу. Нужно было успеть надеть улыбку. Не слишком широкую, чтобы сын не понял, что она старается. Не слишком усталую, чтобы не спросил ещё что-нибудь таким голосом, после которого ей хотелось сесть на пол и обнять его крепче, чем позволяла взрослая выдержка.

— Едет, — сказала она. — Просто у папы работа.

Миша сидел за столом в новой рубашке, которую сам выбрал для «семейного ужина». Синяя, с маленькими белыми якорями. Он сказал, что папе понравится, потому что папа любит, когда «мужчины выглядят серьёзно». В семь лет Миша уже слишком внимательно слушал взрослых и слишком часто пытался угадать настроение отца до того, как тот войдёт в комнату.

Арина ненавидела себя за то, что позволила этому стать нормой.

— А он помнит, что сегодня? — Миша покрутил вилку между пальцами.

— Конечно, помнит.

Она сказала это мягко.

Почти уверенно.

Но телефон, лежавший рядом с разделочной доской, молчал уже второй час. Последнее сообщение от Кирилла пришло в шесть двадцать три:

Задерживаюсь. Не начинайте без меня.

Не «прости». Не «целую». Не «скажи Мишке, что скоро буду».

Просто распоряжение.

Не начинайте.

Как будто семейный ужин был совещанием, а не годовщиной их брака.

Впрочем, Арина уже давно замечала: в их доме всё чаще звучали распоряжения и всё реже — просьбы. Кирилл не спрашивал, успеет ли она забрать Мишу из школы. Он писал: «Забери». Не интересовался, устала ли она после длинного дня. Он говорил: «Закажи продукты». Не говорил: «Я соскучился». Говорил: «Ты дома?»

И каждый раз Арина находила объяснение.

Работа.

Стресс.

Сложный проект.

Период такой.

Мужчина несёт ответственность.

Ему тяжело.

Ему нужно, чтобы дома было спокойно.

Она слишком много объясняла за него. Так много, что где-то по дороге перестала объяснять себе саму себя.

— Мам, а если он поздно, пирог остынет.

— Пирог можно подогреть.

— А свечи?

На столе стояли две тонкие свечи цвета шампанского. Миша настоял. Сказал, что на годовщину без свечей нельзя, потому что «это же как день рождения семьи». Арина тогда улыбнулась и поцеловала его в макушку, чтобы он не увидел, как сильно её задела эта фраза.

День рождения семьи.

Сегодня их семье исполнилось восемь лет.

И, кажется, она была единственной, кто пришёл на этот день рождения вовремя.

— Свечи тоже подождут, — сказала Арина.

— Они же не люди.

— Иногда свечи терпеливее людей.

Миша нахмурился.

— Это грустная шутка?

Арина наконец повернулась и улыбнулась по-настоящему. Он был таким серьёзным в своей рубашке с якорями, что сердце у неё на миг стало совсем мягким.

— Это взрослая шутка. Они часто немного грустные.

— Тогда не шути так. Давай лучше смешную.

— Хорошо. Смешная: если папа опоздает ещё на час, пирог объявит себя самостоятельным блюдом и уйдёт жить в холодильник.

Миша хихикнул.

— Пироги не ходят.

— Ты просто не видел, как они обижаются.

— Мам!

Он засмеялся, и Арина тоже. Коротко. Тихо. С благодарностью за этот маленький звук, который ещё держал дом в тепле.

В восемь сорок семь в замке наконец повернулся ключ.

Миша вскочил так резко, что стул чуть не упал.

— Папа!

Арина выключила плиту.

Не потому, что соус мог испортиться. Просто рукам нужно было чем-то заняться.

Кирилл вошёл в квартиру с телефоном у уха. В дорогом тёмном пальто, с кожаной папкой под мышкой, с тем усталым раздражением на лице, которое в последние месяцы появлялось у него ещё до того, как кто-то успевал сказать ему первое слово.

— Да, завтра посмотрю, — говорил он в трубку, проходя в прихожую. — Нет, я сказал, не сегодня. Всё, потом.

Он сбросил звонок, не глядя на Арину, и только тогда заметил сына.

— О, чемпион. Не спишь?

Миша подбежал к нему и обнял за талию.

— Мы ждали! У нас ужин. И пирог. И свечи.

Кирилл поморщился почти незаметно.

Почти.

Но Арина заметила.

Она давно научилась замечать малое. Не потому, что была подозрительной. Потому что в доме, где настроение одного человека решает, каким будет вечер, женщина быстро учится читать паузы, вдохи, складки между бровями и то, как мужчина снимает обувь.

— Свечи? — Кирилл устало провёл ладонью по волосам. — Миш, я с ног валюсь.

— Но сегодня же день рождения семьи.

Слова сына повисли в прихожей.

Кирилл на секунду застыл. Потом перевёл взгляд на Арину.

И в этом взгляде не было нежности.

Было раздражение.

Будто это она подговорила Мишу сказать вслух то, о чём ему самому было неудобно забыть.

— Я помню, — сказал Кирилл.

Слишком быстро.

Арина вытерла руки полотенцем.

— С годовщиной.

Он подошёл к ней и коснулся губами её щеки.

Не поцеловал.

Коснулся.

Холодно, сухо, как ставят галочку в обязательном поле.

— С годовщиной, — ответил он.

И вот тогда она почувствовала чужой аромат.

Тонкий. Дорогой. Сладковато-пряный, не её. Не тот запах офиса, не табак партнёров, не салон автомобиля, не зимний воздух. Женский аромат, который держался близко к коже, к воротнику, к месту, где чужая женщина могла наклониться слишком близко.

Арина не отстранилась.

Не вздрогнула.

Только пальцы на полотенце сжались сильнее.

— Ужин готов, — сказала она.

— Я быстро переоденусь.

— Пап, давай сейчас! — попросил Миша. — Мы всё уже поставили.

Кирилл взглянул на часы.

— Миш, пять минут.

— Но свечи...

— Я сказал, пять минут.

Тишина после этой фразы стала неприятной.

Миша опустил глаза.

Арина видела, как у сына дрогнули плечи, и внутри у неё что-то тихо, опасно натянулось.

— Кирилл, — сказала она ровно, — он просто ждал тебя.

— А я просто попросил пять минут.

Он снял пальто и повесил его в шкаф резче, чем нужно.

Семейный вечер начался.

Прекрасно.

Кирилл прошёл мимо неё в спальню, оставив в прихожей шлейф чужого аромата и раздражения. Миша вернулся на кухню уже не бегом. Сел на своё место и стал поправлять салфетку возле тарелки.

— Папа устал? — спросил он тихо.

— Да, солнышко.

— Он из-за работы?

Арина посмотрела на сына.

Брать детям — особый вид предательства. Маленький, ежедневный, вроде бы во благо. Но ребёнок всё равно чувствует правду телом, просто не знает, как её назвать. И если взрослые слишком долго говорят ему «всё хорошо», когда воздух в доме звенит, он начинает сомневаться не в них, а в себе.

— Думаю, да, — сказала она. — Но это не значит, что он должен говорить резко.

Миша поднял глаза.

— Ты ему скажешь?

— Скажу.

— Только не ссорьтесь.

Вот она, настоящая цена тихого брака.

Не измена ещё.

Не ложь.

А эта просьба семилетнего мальчика: только не ссорьтесь.

Арина подошла к нему и поправила воротник его рубашки.

— Мы справимся, — сказала она.

Она не сказала «не будем».

Не смогла.

Кирилл вернулся через семь минут. Уже в домашней серой футболке, но всё ещё с рабочим телефоном в руке. Сел за стол, посмотрел на блюда и устало выдохнул.

— Ты всё это готовила?

— Да.

— Можно было заказать. Зачем так усложнять?

Арина поставила перед ним тарелку.

— Потому что годовщина.

— Арин, ну не начинай. Я помню про годовщину. Просто у меня был тяжёлый день.

— Я не начинаю.

— По лицу вижу.

Миша посмотрел на мать, потом на отца.

— Пап, я помогал пирог украшать.

Кирилл будто очнулся и натянул улыбку.

— Да? Молодец. Красиво получилось.

— Там яблоки как крыша.

— Отлично.

Он сказал это, не посмотрев на пирог.

Арина села напротив и зажгла свечи. Огоньки дрогнули, отражаясь в бокалах с соком и стеклянной салатнице. На секунду кухня стала похожа на ту жизнь, которую она хотела иметь: тёплый стол, ребёнок, муж, дом, праздник. Всё на месте. Всё красиво.

Если не дышать глубоко, не смотреть на телефон Кирилла, не вспоминать чужой аромат и не думать о том, почему он вернулся так поздно.

— За нашу семью! — торжественно сказал Миша, поднимая стакан.

Арина подняла свой.

Кирилл тоже, чуть запоздало.

— За семью, — сказала Арина.

Кирилл повторил:

— За семью.

И в этот момент его телефон, лежавший экраном вниз рядом с тарелкой, коротко завибрировал.

Один раз.

Совсем коротко.

Но Кирилл среагировал мгновенно.

Не так, как реагируют на обычное рабочее сообщение. Не лениво, не раздражённо. Он резко опустил взгляд, пальцы дёрнулись к телефону, но он остановил движение на полпути, будто вспомнил, что за столом не один.

Арина увидела это.

И увидела, как он увидел, что она увидела.

Между ними, поверх свечей, соуса и семейного ужина, впервые за вечер прошло что-то голое и холодное.

— Работа? — спросила она.

— Да.

— В девять вечера?

— А ты думаешь, у всех жизнь заканчивается после ужина?

Миша перестал жевать.

Арина положила вилку.

— Я просто спросила.

— А я просто ответил.

Кирилл перевернул телефон экраном вниз ещё плотнее, хотя он уже и так лежал так.

Жест был маленький.

Нелепый.

И окончательный.

Арина вдруг поняла, что в последние месяцы её брак умер не в одной большой катастрофе. Он умирал в таких жестах. Телефон экраном вниз. Пароль, которого раньше не было. Душ сразу после возвращения домой. Новая манера говорить «я занят». Задержки, которые нельзя уточнять. Рубашки, которые он стал сдавать в химчистку сам. Командировки, после которых он привозил Мише дорогие игрушки, а ей — ничего, даже смешного магнита, хотя раньше всегда покупал какую-нибудь глупость и говорил: «Увидел и подумал о тебе».

Когда он в последний раз говорил, что подумал о ней?

Арина не вспомнила.

И от этого стало не больно.

Стало пусто.

Пустота иногда страшнее боли. Боль хотя бы доказывает, что внутри ещё есть живое место. Пустота означает, что ты слишком долго терпела, и часть тебя устала подавать сигналы.

— Мам, а можно пирог сейчас? — спросил Миша.

— Конечно.

Она встала слишком быстро.

Стул тихо скрипнул.

Кирилл посмотрел на неё.

— Арина.

— Что?

— Не надо делать такое лицо.

Вот и всё.

Она даже не успела предъявить ему ничего. Не спросила про запах. Не спросила про телефон. Не спросила, где он был. Просто встала за пирогом, а он уже защищался, нападая.

— Какое? — спросила она.

— Будто я в чём-то виноват.

Миша замер с ложкой в руке.

Арина медленно повернулась.

— А ты виноват?

— Ну вот. Началось.

— Я задала вопрос.

— Нет, ты устроила допрос.

— Кирилл, при Мише не надо.

— А без Миши надо? Ты давно ждала повода?

Она посмотрела на него и вдруг ясно увидела: он не устал. Не просто раздражён. Он заранее злится на неё за то, что она может узнать правду. Он уже ведёт разговор так, будто виновата она. Не он опоздал. Не он принёс в дом чужой аромат. Не он дёрнулся к телефону. А она — потому что заметила.

Раньше это сработало бы.

Арина начала бы сглаживать. Сказала бы: «Ладно, потом поговорим». Улыбнулась бы Мише. Поставила бы пирог. Позволила бы вечеру доковылять до конца, чтобы сохранить видимость мира. Потом ночью лежала бы без сна, слушала дыхание Кирилла и убеждала себя, что завтра будет лучше.

Но сегодня что-то изменилось.

Может, дело было в свечах.

В этой глупой детской фразе про день рождения семьи.

Или в том, что чужой аромат всё ещё держался в воздухе.

— Нет, — сказала Арина тихо. — Я больше не жду повода. Я просто смотрю.

Кирилл нахмурился.

— Что это значит?

— То, что значит.

— Не говори загадками.

— Хорошо. Тогда скажи прямо: почему ты опоздал?

— Я уже сказал. Встреча.

— С кем?

— С партнёрами.

— С какими?

Он резко откинулся на спинку стула.

— Арина, ты серьёзно?

— Да.

Миша сидел совсем тихо.

Слишком тихо.

Арина посмотрела на сына и заставила себя остановиться. Не сейчас. Не так. Не при нём. Она не будет превращать его годовщину семьи в вечер, после которого он будет помнить не пирог, а голоса родителей.

Она поставила пирог на стол.

— Миш, возьми себе кусочек. Потом пойдёшь умываться и читать.

— А вы?

— Мы тоже поедим.

Сын посмотрел на неё внимательно.

— Вы будете ругаться?

Кирилл раздражённо выдохнул:

— Миша, взрослые разговаривают.

— Кирилл, — сказала Арина.

Одно слово.

Но он услышал в нём то, чего раньше не было.

Границу.

Он замолчал.

Арина наклонилась к сыну.

— Мы поговорим. Не будем кричать. Обещаю.

— Честно?

— Честно.

Миша кивнул, но пирог ел медленно, без прежней радости. Кирилл почти не притронулся к ужину. Телефон больше не вибрировал, но присутствовал за столом как четвёртый человек. Чужой. Непрошенный. Главный.

Когда Миша ушёл в ванную, а потом в свою комнату, Арина убрала со стола. Не потому, что хотела отложить разговор. Потому что ей нужно было несколько минут, чтобы не сорваться в то, что Кирилл потом назовёт истерикой. Она мыла тарелки, складывала приборы, протирала стол, ставила пирог в контейнер.

Руки работали спокойно.

Внутри всё звенело.

Кирилл стоял у окна в гостиной и печатал что-то в телефоне.

Теперь уже не скрываясь.

Или делая вид, что не скрывается, чтобы она почувствовала себя глупой за подозрения.

Арина вышла из кухни и остановилась в дверном проёме.

— Мы поговорим сейчас.

Он не поднял глаз.

— Арин, я правда устал.

— Я тоже.

— У тебя был обычный день.

Она тихо усмехнулась.

Не весело.

— Да. Обычный. Работа, школа, продукты, ужин, ожидание мужа, который приходит с чужим запахом и прячет телефон. Очень обычный.

Кирилл наконец посмотрел на неё.

— Что ты несёшь?

— Правду.

— Какой ещё чужой запах?

— На тебе.

Он провёл рукой по футболке.

— Я переоделся.

— На рубашке.

Секунда.

Крошечная.

Но она была.

Он вспомнил.

И она это увидела.

Потом лицо Кирилла стало раздражённым.

— Арина, мы были в ресторане. Там официантки, люди, гардероб. Ты теперь каждую молекулу будешь проверять?

— А помаду на воротнике тоже официантка оставила?

Он замолчал.

Вот так выглядит момент, когда ложь не успела придумать новую одежду.

Арина ожидала, что сердце начнёт колотиться. Что её затрясёт. Что в горле станет тесно. Но тело, наоборот, стало почти неподвижным. Как будто внутри неё включился свет, холодный и беспощадный, и всё стало видно.

Кирилл медленно положил телефон на подоконник.

— Ты рылась в моих вещах?

— Нет.

— Тогда откуда...

— Я восемь лет твоя жена, Кирилл. Мне не нужно рыться, чтобы заметить чужую помаду на твоей рубашке.

Он отвёл взгляд.

И это было хуже признания.

Потому что до этой секунды где-то в глубине ещё жила последняя жалкая надежда. Может, ошибка. Может, действительно ресторан. Может, нелепость. Может, она придумала, устала, накрутила себя. Женщины в браке умеют предавать самих себя с удивительной изобретательностью, только бы не признать, что человек рядом уже выбрал не их.

Но Кирилл отвёл взгляд.

И надежда умерла тихо, без сцены.

— Кто она? — спросила Арина.

— Никто.

Как удобно.

Чужая женщина всегда сначала «никто».

Не человек. Не имя. Не выбор. Не предательство. Просто никто, который оставляет следы на воротнике и пишет сообщения вечером годовщины.

— Никто оставил помаду?

— Арина, не начинай.

— Я уже начала. Кто она?

— Это не то, что ты думаешь.

— Отличная фраза. Её выдают всем мужчинам при первом предательстве или ты сам придумал?

Он резко повернулся.

— Не надо язвить.

— А что надо? Принести тебе пирог?

— Я не хотел, чтобы так вышло.

Арина почувствовала, как губы сами растягиваются в улыбку.

Вот это было почти смешно.

Почти.

— Как именно? Чтобы я заметила?

— Чтобы ты устроила сцену.

— Я устроила?

— А это что?

— Разговор.

— Это не разговор, это нападение.

— Нет, Кирилл. Нападение — это прийти домой в годовщину с чужой помадой на воротнике, сесть за стол к сыну и делать вид, что проблема в лице жены.

Он сжал челюсть.

— Ты всегда умела красиво говорить.

— А ты всегда умел уходить от ответа.

— Там ничего серьёзного.

Фраза упала между ними.

Тяжёлая.

Грязная.

Окончательная.

Не «нет». Не «ты ошиблась». Не «я не изменял».

Ничего серьёзного.

Значит, было.

Арина медленно вдохнула.

— Как давно?

— Не надо.

— Как давно?

— Арина.

— Я хочу знать, сколько времени я жила за столом с человеком, который возвращался ко мне после другой женщины.

Он поморщился.

— Не говори так.

— Почему? Некрасиво звучит?

— Потому что ты всё упрощаешь.

Она даже рассмеялась.

Один короткий звук.

— Упрощаю?

— Да. В жизни всё сложнее. У нас давно не всё хорошо.

Вот оно.

Началось.

Сначала «ничего серьёзного».

Потом «у нас давно не всё хорошо».

Следующим, вероятно, будет «ты сама понимаешь».

Кирилл прошёлся по гостиной, будто ему стало тесно в собственном доме.

— Ты изменилась, Арина. Ты сама это знаешь. Раньше ты была лёгкая, весёлая, хотела куда-то ходить, что-то делать. А сейчас всё вокруг Миши, быта, каких-то твоих подработок. Ты постоянно уставшая. Постоянно напряжённая. Я прихожу домой — и чувствую, что мне здесь должны выставить счёт.

Арина слушала.

И странным образом ей становилось спокойнее.

Потому что каждый его довод был не ударом, а освобождением. Он не просил прощения. Не признавал боль. Не пытался хотя бы секунду посмотреть на произошедшее её глазами.

Он строил оправдательный дом из её усталости.

— То есть ты изменил, потому что я устала? — спросила она.

— Я не говорю «изменил».

— А как ты говоришь?

— Я говорю, что человеку иногда нужно чувствовать себя живым.

Арина посмотрела на него долго.

Перед ней стоял мужчина, которого она когда-то любила так сильно, что могла ждать его с работы, смеяться над глупыми шутками, верить в любой их общий план. Мужчина, от которого родила сына. Мужчина, ради которого отказывалась от предложений, возможностей, поездок, потому что «сейчас Кириллу важнее», «сейчас Миша маленький», «сейчас не время».

И он говорил ей, что ему нужно было почувствовать себя живым.

С кем-то другим.

Пока она дома держала их семью на собственных плечах.

— А я? — спросила Арина.

Кирилл нахмурился.

— Что ты?

— Мне можно было чувствовать себя живой?

Он устало потёр лицо.

— Опять драма.

— Нет. Вопрос.

— Ты мать.

Три слова.

Простые.

Привычные.

И настолько жестокие, что Арина на секунду не смогла ответить.

Ты мать.

Как будто материнство отменяло женщину. Как будто после рождения ребёнка она перестала иметь право на желание, усталость, красоту, обиду, радость, предательство, любовь. Как будто её жизнь должна была стать удобным приложением к его.

— Я мать, — сказала она тихо. — Не мебель.

— Я этого не говорил.

— Ты сказал достаточно.

Он подошёл ближе.

— Слушай. Давай не будем сейчас рушить всё из-за ошибки.

— Ошибки?

— Да.

— Ошибка — это купить не тот хлеб. Ошибка — забыть ключи. Ошибка — перепутать день встречи. А ты выбирал. Приехать к ней. Прикоснуться к ней. Вернуться домой. Сесть рядом с сыном. Соврать мне. Это не ошибка, Кирилл. Это маршрут.

Его лицо стало жёстким.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы нормально говорить.

— В каком я состоянии?

— В обиженном.

— Удивительно, правда?

— Я имею в виду, ты сейчас всё драматизируешь.

Арина посмотрела на него и вдруг поняла, что не хочет больше спрашивать.

Не хочет знать, кто она.

Моложе? Красивее? Свободнее? Смеётся ли над его шутками? Называет ли его сильным? Знает ли, что он пьёт кофе без сахара? Видела ли Мишу на фотографии в его телефоне? Знает ли, что сегодня годовщина?

Всё это уже не имело значения.

Значение имел только один факт: Кирилл принёс в их дом чужую женщину не телом, а ложью. И теперь пытался сделать так, будто виновата в этой лжи Арина.

— Ты уйдёшь сегодня, — сказала она.

Он моргнул.

— Что?

— Возьмёшь вещи и уйдёшь.

— Ты с ума сошла?

— Не кричи. Миша спит.

— Это мой дом.

— Это наш дом. Пока. Но сегодня ты здесь не останешься.

Он шагнул к ней, и в его движении было не насилие, нет, но привычная власть. Он всегда умел занимать пространство так, чтобы Арина невольно отступала. На кухне, в коридоре, в споре, в решениях. Он говорил громче, двигался резче, смотрел увереннее — и она уступала, потому что не хотела войны.

Сегодня она не отступила.

Кирилл это заметил.

И впервые за вечер растерялся.

— Арина, хватит. Ты не понимаешь, что делаешь.

— Понимаю.

— У нас ребёнок.

— Именно поэтому ты уйдёшь тихо.

— Ты хочешь объяснить Мише, почему выгнала отца?

— Нет. Я хочу объяснить ему, что взрослые люди отвечают за свои поступки. Но не сегодня. Сегодня ты просто уедешь.

— Куда?

— К той, с которой чувствовал себя живым.

Он побледнел от злости.

— Не смей.

— Что? Называть вещи своими именами?

— Ты потом пожалеешь.

Раньше эта фраза сработала бы.

Арина испугалась бы последствий: денег, квартиры, документов, мнения родителей, школы, разговоров, будущего. Страх был рядом и сейчас. Он стоял за плечом, холодный, настойчивый, шептал: ты не готова, у тебя ребёнок, ты не знаешь, что будет завтра.

Но рядом с ним впервые стояло другое чувство.

Достоинство.

Непривычное.

Слабое ещё.

Но живое.

— Возможно, — сказала Арина. — Но если я промолчу сегодня, я пожалею точно.

Кирилл смотрел на неё так, будто видел впервые.

Наверное, так и было.

Он никогда не знал эту Арину. Женщину, которая не кричит, не умоляет, не падает в слёзы, не хватается его за руку. Женщину, которая стоит посреди гостиной в домашнем платье, с убранными в небрежный пучок волосами, с усталостью под глазами и говорит: уходи.

— Ты всё разрушишь, — сказал он.

— Нет. Я просто перестану делать вид, что оно целое.

Он резко развернулся и пошёл в спальню.

Арина осталась в гостиной.

Ей хотелось сесть.

Очень.

Колени вдруг стали слабыми, пальцы заledenели, дыхание сбилось. Но она стояла. Слушала, как Кирилл открывает шкаф, выдвигает ящик, бросает вещи в спортивную сумку. Звуки были обычные, бытовые. Вот это и страшно: конец семьи звучит как молния на сумке.

Через несколько минут он вышел.

Уже в пальто.

С телефоном в руке.

Конечно.

— Я уеду, — сказал он. — Чтобы ты успокоилась.

— Не для меня. Для Миши.

— Не прикрывайся Мишей.

Арина вскинула глаза.

— Это ты сейчас серьёзно?

Он отвёл взгляд.

Снова.

— Завтра поговорим нормально.

— Завтра ты объяснишь мне правду.

— Я ничего не буду объяснять в таком тоне.

— Тогда не объясняй.

— Думаешь, без меня справишься?

Фраза была сказана почти тихо.

И в ней наконец прозвучал настоящий Кирилл. Не раскаявшийся. Не растерянный. Не усталый. А тот, который был уверен: она никуда не денется, потому что слишком много завязано на нём.

Деньги.

Дом.

Статус.

Привычка.

Страх.

Арина подошла к двери и открыла её.

— Начну проверять сегодня.

Он усмехнулся.

— Гордая стала?

— Нет. Просто поздно вспомнила.

— О чём?

— Что она у меня была.

Кирилл смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом вышел.

Дверь закрылась.

Не хлопнула.

Просто щёлкнул замок.

И тишина накрыла квартиру так резко, что Арина впервые за вечер почти пошатнулась. Она оперлась ладонью о стену, закрыла глаза и позволила себе один глубокий вдох.

Не плакать.

Не сейчас.

За стеной спал Миша. Или делал вид, что спит. Утром нужно будет встать, приготовить завтрак, проводить его в школу, придумать слова, которые не разрушат ребёнку мир, но и не станут ложью. Нужно будет понять, где Кирилл, что с деньгами, какие документы, как говорить с родителями, что делать дальше.

Дальше.

Это слово было огромным.

Пугающим.

Пустым.

Арина вернулась на кухню. Свечи почти догорели, оставив на скатерти маленькие прозрачные потёки. Пирог стоял в контейнере. На столе остались две нетронутые тарелки, бокал Кирилла, его салфетка, скомканная раздражёнными пальцами.

Она начала убирать.

Механически.

Если остановиться, можно развалиться.

Она вынесла тарелки, вытерла стол, потушила свечи, поставила бокалы в раковину. Потом увидела на стуле Кирилла белую рубашку.

Он переоделся и бросил её не в корзину, а на спинку стула.

Как всегда.

Раньше она взяла бы её без мысли.

Теперь смотрела.

Рубашка была дорогая, плотная, идеально сидящая на нём. Та самая, которую она покупала ему перед важной встречей, когда Кирилл сказал: «Ты лучше понимаешь, что мне идёт». Он тогда улыбнулся. Обнял её в примерочной. Шепнул: «Вот за это я тебя и люблю».

За то, что выбирала ему рубашки?

За то, что ждала?

За то, что была удобной?

Арина взяла рубашку двумя пальцами и подняла к свету.

След был на внутренней стороне воротника.

Не яркий уже, чуть смазанный, но явный. Алый, с тёплым розовым подтоном. Не её цвет. Арина такие не носила. Ей всегда казалось, что яркая помада требует смелости, а она в последние годы берегла смелость для более нужных вещей: не ответить резко, не попросить слишком много, не показать усталость.

Она провела взглядом по следу.

И вдруг не выдержала.

Не заплакала.

Рассмеялась.

Тихо, коротко, почти беззвучно.

Потому что это было до абсурда пошло. Восемь лет брака, общий ребёнок, ипотека на мечты, семейные ужины, фотографии в рамках, поздравления от родственников, и всё разбилось не о громкую правду, а о чужую помаду на воротнике.

Телефон Кирилла завибрировал.

Арина застыла.

Не её телефон.

Его.

Он оставил его на подоконнике в гостиной.

Вот она, первая настоящая ошибка Кирилла за вечер.

Не предательство. Не ложь. Не высокомерие.

Он забыл телефон.

Арина медленно положила рубашку на стол и вышла в гостиную.

Телефон лежал экраном вверх.

На экране светилось уведомление.

Она не должна была смотреть.

Внутренний голос сказал это строго, почти испуганно. Чужой телефон — чужие границы. Даже если муж только что растоптал их семейные. Даже если правда уже стоит в комнате. Даже если теперь она имеет право знать.

Арина стояла в двух шагах от подоконника и не двигалась.

Экран погас.

Потом снова загорелся.

Новое сообщение.

Она увидела имя.

Лера

Никакой фамилии.

Никакого делового чата.

Просто Лера.

Сердце сделало один тяжёлый удар.

Сообщение было видно полностью.

Ты сказал ей?

Арина не дотронулась до телефона.

Даже не вдохнула.

Экран не успел погаснуть, когда пришло второе:

Кирилл, я устала быть тайной.

Арина медленно сжала пальцы в кулак.

Тайной.

Значит, давно.

Не случайность.

Не слабость.

Не «ничего серьёзного».

Тайна.

Она смотрела на экран так, будто он был маленьким окном в чужую квартиру, где её брак уже давно обсуждали без неё.

Третье сообщение пришло через несколько секунд.

И после него всё внутри окончательно стало тихим.

Когда ты скажешь жене, что она тебе больше никто?

Глава 2. Он мне больше не муж

Арина смотрела на экран телефона и не чувствовала ничего.

Это было страннее слёз.

Наверное, правильная жена в такую минуту должна была задохнуться, схватить телефон, начать читать всё подряд, искать фотографии, даты, признания, доказательства того, как долго над её жизнью смеялись за её спиной. Правильная обманутая женщина должна была рухнуть на стул, прижать ладонь ко рту, зашептать: «Нет, нет, нет», — будто одно отрицание могло откатить время назад, стереть алый след с воротника, чужой аромат из прихожей, раздражение Кирилла за столом и эту фразу, которая светилась на экране маленьким прямоугольником чужой победы.

Когда ты скажешь жене, что она тебе больше никто?

Жене.

Не Арине.

Не женщине, с которой Кирилл прожил восемь лет.

Не матери его сына.

Не человеку, который сегодня поставил на стол пирог со свечами, потому что маленький мальчик решил: у семьи должен быть день рождения.

Просто жене.

Как должности, которую пора снять с человека и передать в архив.

Телефон погас.

В гостиной стало темно только от ночника в коридоре и слабого света кухни. На столе всё ещё стоял контейнер с пирогом. В раковине лежали тарелки. На спинке стула белела рубашка с чужой помадой. Где-то за стеной Миша перевернулся на кровати, скрипнула пружина, потом снова стало тихо.

Арина медленно разжала пальцы.

Она не прикоснулась к телефону Кирилла.

Вместо этого взяла свой, открыла камеру и сфотографировала экран, пока он снова загорелся от нового сообщения.

Ты обещал сегодня.

Щелчок камеры прозвучал громче выстрела.

Арина замерла.

Потом сделала ещё один снимок.

Не из любопытства.

Не из желания унижить его.

Просто впервые за весь вечер она поняла: правда без доказательств в руках Кирилла снова превратится в её «обиду», «подозрительность», «драму» и «ты всё неправильно поняла». Он уже начал это делать. Он сделал бы снова. Красиво. Уверенно. Так, что половина их общих знакомых кивнула бы: ну, Арина, наверное, устала, накрутила себя, женщинам свойственно.

Она не даст ему такой роскоши.

Телефон завибрировал теперь уже звонком.

На экране появилось имя:

Кирилл

Арина смотрела на него несколько секунд.

Он звонил на собственный телефон.

Значит, понял.

Наверное, сунул руку в карман в лифте, возле машины или уже на улице и не нашёл главный инструмент своей второй жизни. Возможно, сейчас стоял внизу, с чужим запахом на

коже, спортивной сумкой в руке и настоящим страхом, что его тайна осталась в квартире с женой, которую надо было давно объявить «ником».

Звонок оборвался.

Через секунду в дверь позвонили.

Не громко.

Один короткий резкий сигнал.

Арина не пошла открывать сразу.

Она взяла телефон Кирилла, держа его двумя пальцами, словно вещь могла испачкать кожу, и положила на тумбу в прихожей. Потом подошла к двери.

— Арина, открой, — сказал Кирилл из-за двери.

Его голос был уже не раздражённым.

Собранным.

Опасным в своей попытке быть тихим.

— Миша спит, — ответила она.

— Тогда открой без спектакля.

Она открыла.

Кирилл стоял на площадке в пальто, со спортивной сумкой у ног. Лицо было жёстким, губы сжаты. В глазах — не вина. Не сожаление. Даже не страх за неё.

Страх за себя.

Он шагнул к порогу, но Арина осталась в дверном проёме.

Не отступила.

Кирилл это заметил.

— Телефон, — сказал он.

— На тумбе.

— Дай.

— Возьми.

Он наклонился, забрал телефон, сразу нажал кнопку блокировки и сунул его во внутренний карман пальто. Движение вышло слишком быстрым, почти подростковым. Так прячут не вещь, а доказательство.

— Ты читала? — спросил он.

— Он лежал экраном вверх.

— Я спросил, читала?

— Я видела то, что пришло на экран.

— Значит, читала.

— Значит, ты оставил это в моём доме.

Он резко поднял глаза.

— В нашем доме.

— Сегодня это звучит особенно красиво.

— Арина, не начинай снова.

Она посмотрела на него и вдруг с удивлением поняла, что его фраза больше не ранит так, как раньше. Раньше «не начинай» было поводом остановиться, проверить себя, проглотить лишнее, замолчать ради мира. Сейчас это прозвучало как старый ключ к двери, которую она уже сменила.

— Нет, Кирилл. Теперь я как раз начну. С самого простого. Кто такая Лера?

Он сжал челюсть.

— Никто, кто имеет отношение к Мише.

— Ко мне она отношение имеет.

— Не преувеличивай.

— Она спрашивает, когда ты скажешь жене, что она тебе больше никто. Это не похоже на человека, который случайно зашёл мимо.

— Ты не понимаешь контекст.

Арина тихо рассмеялась.

— Я уже начинаю ненавидеть слово «контекст». У вас там, видимо, целая отдельная страна: в ней чужая помада — не измена, тайна — не ложь, а жена — больше никто, но только в правильном контексте.

— Хватит язвить.

— Не нравится, когда я говорю?

— Не нравится, когда ты изображаешь судью.

— А что мне изображать? Мебель? Ты уже предлагал.

Он резко оглянулся на лестничную клетку.

— Тише.

— Боишься, что соседи услышат?

— Не устраивай сцену.

— Я стою в собственной квартире и спрашиваю мужа, кто пишет ему ночью, что устала быть тайной. Сцена уже была до меня. Я просто пришла к финалу.

Кирилл шагнул ближе, но остановился у порога. Не потому, что не хотел войти. Потому что впервые понял: она может не пустить.

И это сбивало его сильнее, чем крик.

— Лера — человек, с которым я общался, — сказал он наконец.

— Общался.

— Да.

— Помада на рубашке тоже часть общения?

— Не цепляйся к словам.

— А мне к чему цепляться, Кирилл? К остаткам брака?

Он провёл рукой по лицу.

— Господи, ну вот опять. Всё у тебя в чёрно-белом. Да, у меня был... контакт. Да, я ошибся. Но это не значит, что нужно ломать семью.

Арина почувствовала, как внутри снова поднялась та самая холодная ясность.

— «Контакт», — повторила она. — Как удобно. Даже звучит так, будто вы случайно обменялись визитками и помадой.

— Ты хочешь подробностей? Зачем?

— Уже не хочу.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Что значит «не хочу»?

— Значит, мне достаточно.

— Ничего тебе не достаточно. Ты сейчас в этом своём состоянии, когда хочешь наказать меня. Но завтра проснёшься и поймёшь, что всё сложнее.

— Нет. Завтра я проснусь и буду думать, как объяснить сыну, почему его отец не ночевал дома после годовщины.

— Скажешь, что мы поругались.

— Мы не поругались. Ты предал семью.

— Не говори за семью! — сдержанно, но резко бросил Кирилл. — Ты давно сама из неё выпала.

Арина замерла.

Вот.

Сейчас он перестал оправдываться и перешёл туда, где ему было удобнее: обвинять её.

— Я выпала?

— Да, Арина. Выпала. Ты живёшь как обслуживающий персонал собственной квартиры. Миша, ужин, школа, твои странные подработки, вечная усталость. Ты перестала быть женщиной.

Она стояла неподвижно.

Только пальцы чуть сжались на краю двери.

— Продолжай.

— Что продолжать?

— Ты начал. Договори. Мне полезно услышать всё сразу, чтобы потом не скучать по иллюзиям.

Он зло усмехнулся.

— Вот это у тебя хорошо получается. Красиво говорить. Только жить с тобой стало невозможно.

— Почему же ты жил?

— Потому что у нас ребёнок.

— Благородно.

— Потому что я пытался сохранить семью.

— С чужой женщиной?

— Потому что рядом с ней я хотя бы не чувствовал себя виноватым за то, что хочу нормальной жизни!

Тишина ударила по стенам.

Арина даже не сразу поняла, что он сказал это вслух.

Нормальной жизни.

Она, Миша, их дом, ужины, школа, счета, стирка, ожидание, тихие вечера, его рубашки, его любимый кофе, его дни рождения, его усталость, его проекты, его раздражение, его право на поздние звонки — всё это, выходит, не было нормальной жизнью.

Это было чем-то, от чего он ходил отдыхать к Лере.

— Спасибо, — сказала она.

Кирилл нахмурился.

— За что?

— За честность. Она, конечно, запоздала, но всё равно полезнее твоих «ничего серьёзного».

— Ты опять всё выкручиваешь.

— Нет. Я наконец-то слушаю.

— Арина, ты себя слышишь? Ты сейчас готова разрушить восемь лет из-за...

— Не заканчивай.

— Из-за одной ошибки.

— Я просила не заканчивать.

Голос у неё не повысился, но Кирилл замолчал.

И в этом молчании за дверью квартиры, в полутёмной прихожей, где на крючке висела куртка Миши, а на полке стояли его маленькие кроссовки, Арина вдруг ясно увидела не сегодняшний вечер, а годы.

Как она подстраивалась под Кирилловы настроения. Как откладывала свои желания. Как оправдывала его холодность ответственностью, резкость усталостью, равнодушие занятостью. Как после рождения Миши он всё чаще говорил «ты мать» там, где раньше говорил «ты моя». Как она тихо уменьшалась, чтобы ему было просторнее.

И вот теперь он стоял на пороге и говорил, что она перестала быть женщиной.

Нет.

Она не перестала.

Она просто слишком долго была женой человеку, которому было удобно это не замечать.

— Ты мне больше не муж, — сказала Арина.

Кирилл не сразу понял.

— Что?

— Ты мне больше не муж. Ты просто человек, который слишком долго жил рядом и называл это семьёй.

Его лицо изменилось.

Сначала он побледнел.

Потом резко, почти грубо усмехнулся.

— Какая фраза. Заговорила?

— Нет. Наконец сказала.

— Ты думаешь, можешь вот так просто вычеркнуть меня?

— Нет. Просто не хочу больше вычёркивать себя.

— Посмотрим, как ты заговоришь завтра.

— Завтра я скажу то же самое.

— Без денег? Без квартиры? Без нормальной работы? С ребёнком?

Она не ответила сразу.

Не потому, что он попал в точку.

А потому что он наконец сказал то, на чём всегда держалась его власть.

Не любовь.

Не уважение.

Не семья.

А страх, что без него она не справится.

— Вот ты и появился, настоящий, — тихо сказала Арина. — Я всё ждала.

— Не строй из себя героиню.

— Я и не строю. Мне страшно, Кирилл. Очень. Но жить с тобой стало страшнее.

Он дёрнул плечом.

— Ты пожалеешь.

— Возможно. Но не сегодня.

— Я завтра вернусь. Мы поговорим, когда ты остынешь.

— Завтра я буду у Насти.

Он поднял глаза.

— Что?

— Я заберу Мишу и уеду.

— Ты никуда его не заберёшь.

Впервые за вечер в её теле всё стало жёстким.

— Не говори так.

— Это мой сын.

— Наш. И сейчас он спит за стеной после вечера, где ты не смог даже спокойно посидеть за столом.

— Ты не имеешь права увозить его неизвестно куда.

— К моей подруге. В квартиру, где он уже был десятки раз. И где взрослые не разговаривают так, будто ребёнок — аргумент.

— Ты хочешь выставить меня чудовищем?

— Ты сам прекрасно справляешься.

Кирилл приблизился ещё на полшага.

— Арина, послушай. Ты сейчас делаешь ошибку. Ты не сможешь одна. Я знаю все наши счета, документы, платежи. Квартира оформлена не так просто, как тебе кажется. У тебя нет запаса, чтобы устраивать гордую жизнь. Ты завтра же придёшь в себя и поймёшь, что лучше договориться нормально.

— Нормально — это как?

— Без истерик. Без выноса ребёнка. Без звонков подругам. Мы взрослые люди.

— Взрослые люди не приводят чужую помаду к семейному столу.

— Да сколько можно про эту помаду!

— Столько, сколько нужно, чтобы ты перестал делать вид, будто виноват мой тон.

Он смотрел на неё с глухим раздражением.

Арина вдруг поняла: если пустит его сейчас обратно, всё станет хуже. Он не будет просить прощения. Он будет ходить по квартире, доказывать, давить, утомлять, пока у неё не кончится сила стоять прямо. Он знает её слабые места: Миша, деньги, страх скандала, привычка сглаживать. Он будет нажимать туда, пока она не скажет: «Хорошо, поговорим завтра», — а завтра начнётся новая версия той же жизни.

Нет.

Сегодня она должна сделать то, чего боялась больше всего.

Дойти до конца.

— Я закрою дверь, — сказала она.

— Арина.

— Завтра утром ты можешь написать мне по поводу Миши. Спокойно. Без угроз. Всё остальное потом.

— Ты не будешь диктовать мне условия.

— Уже диктую.

Он открыл рот, но она закрыла дверь.

Не резко.

Не хлопнув.

Просто закрыла.

Замок щёлкнул.

За дверью несколько секунд стояла тишина.

Потом Кирилл ударил ладонью по двери. Не сильно, но звук прокатился по прихожей, и Арина всем телом вздрогнула.

— Арина, открой.

Она не ответила.

— Ты ведёшь себя глупо.

Она опустила лоб к двери.

Глаза жгло, но слёз по-прежнему не было. Будто внутри всё сжалось до одной задачи: продержаться.

— Ты сама всё усложняешь, — сказал он уже тише. — Подумай о Мише.

Вот теперь она открыла глаза.

Миша.

Она отступила от двери и пошла к комнате сына.

Он не спал.

Конечно.

Лежал на боку, укрывшись до подбородка, глаза блестели в слабом свете ночника. На стуле рядом висела его синяя рубашка с якорями. Та самая, праздничная. Теперь она казалась такой маленькой, что у Арины на секунду остановилось дыхание.

— Мам, — шепнул он, — папа ушёл?

Она села на край кровати.

— Да.

— Из-за меня?

— Нет, мой хороший.

— Из-за пирога?

Арина закрыла глаза.

Нет, вот теперь ей почти стало невозможно выдержать.

Она взяла его ладонь в свою.

— Не из-за пирога. И не из-за тебя. Взрослые иногда делают друг другу больно. Это не вина детей.

— Вы разводитесь?

Слово прозвучало слишком взрослым.

Арина посмотрела на сына.

— Мы с папой будем разбираться. Но сегодня мы поедem к тётe Нaсте.

— Сейчас?

— Да.

— Ночью?

— Да.

Он сел в кровати.

— А школа?

— Утром я всё решу.

— Папа злится?

— Да.

— На меня?

— Нет. На меня. И на себя, хотя пока не понимает.

Миша нахмурился.

— А ты злишься?

— Да.

— И тебе грустно?

Арина погладила его по волосам.

— Очень.

— Тогда почему ты не плачешь?

Она не сразу ответила.

Потому что если начать — можно не закончить.

Потому что ей надо собрать вещи.

Потому что ребёнку нужна не сломанная мать, а живая.

Потому что Кирилл всю жизнь ждал её слёз, чтобы назвать их слабостью.

— Потому что сейчас мне нужно быть с тобой, — сказала Арина. — А плакать я буду потом. Может быть.

Миша обнял её за шею.

Крепко.

По-детски неловко, всем телом, как в детстве, когда ещё не нужно было стесняться собственной любви.

— Я с тобой, мам.

Фраза ударила прямо в сердце.

Арина прижала его к себе.

— Я знаю.

Она собрала вещи быстро.

Не всё. Самое нужное.

Паспорт. Свидетельство о рождении Миши. Его школьный дневник, сменную одежду, тёплый свитер, любимого плюшевого динозавра, без которого он уже вроде бы был взрослый, но всё равно спал спокойнее. Себе — две кофты, бельё, документы, ноутбук, зарядки, папку с бумагами, которые всегда лежали в нижнем ящике комода и казались чем-то скучным из взрослой жизни.

Теперь эти бумаги были не скучными.

Они были важными.

Кирилл звонил три раза.

Сначала на её телефон.

Потом писал.

Открой.

Не делай глупостей.

Мы не закончили разговор.

Она не отвечала.

Потом пришло:

Если увезёшь Мишу, пожалеешь.

Арина посмотрела на сообщение и сделала снимок экрана.

Руки дрожали.

Совсем немного.

Достаточно, чтобы застёжка на сумке не поддалась с первого раза.

Она набрала Настю.

Подруга ответила сонным голосом после четвёртого гудка.

— Арин? Что случилось?

Арина услышала этот голос — тёплый, хриплый от сна, настоящий — и едва не сорвалась.

— Можно мы с Мишей приедем?

Сон из голоса Насти исчез мгновенно.

— Конечно. Что случилось?

— Кирилл.

Пауза.

— Поняла. Адрес знаешь. Я сейчас постелю. Такси вызвать?

— Я вызову.

— Не надо. Я вызову тебе нормальную машину от своего подъезда? Подожди, ты дома?

— Да.

— Он там?

— За дверью. Или уже ушёл. Не знаю.

— Не открывай.

— Не открою.

— Арин, возьми документы. Все, какие можешь. И детские вещи на завтра.

— Уже.

— Молодец. Слышишь? Ты молодец. Сейчас просто доезжайте до меня. Всё остальное потом.

Арина закрыла глаза.

— Настя.

— Что?

— Я не знаю, что делать дальше.

— Сейчас и не надо знать. Сейчас надо выйти из квартиры с ребёнком и сумкой. Всё.

Одна задача.

Одна задача.

Это помогло.

Арина вызвала машину. Водитель должен был подъехать через семь минут. Она одела Мишу в тёплую куртку, помогла ему завязать шарф. Он держал динозавра под мышкой и молчал. Не капризничал, не спрашивал, можно ли взять конструктор, не жаловался, что хочет спать. От этого ей было ещё тяжелее.

Взрослые всегда думают, что дети ничего не понимают.

Дети понимают слишком много.

Просто у них ещё нет слов, чтобы защититься.

Когда они вышли в прихожую, Арина остановилась.

На вешалке висело её пальто. На полке — ключи. У зеркала — рамка с фотографией: она, Кирилл и Миша на море два года назад. Тогда они ещё улыбались так, будто всё можно сохранить, если смотреть в камеру достаточно счастливо.

Арина взяла рамку и положила лицом вниз.

Не разбила.

Не выбросила.

Просто не хотела, чтобы эта версия семьи смотрела ей в спину.

За дверью было тихо.

Она осторожно открыла.

Площадка пустая.

Лифт приехал быстро, словно дом сам хотел, чтобы она ушла до того, как передумает. В зеркале лифта Арина увидела себя: бледная, волосы собраны небрежно, пальто застёгнуто криво, на плече сумка, рядом Миша с динозавром и слишком серьёзным лицом.

— Мам, — сказал он тихо, когда лифт поехал вниз, — а папа нас найдёт?

— Мы не прячемся, — ответила Арина. — Мы просто уезжаем туда, где сегодня будет спокойно.

— А он будет звонить?

— Возможно.

— Ты ответишь?

Она посмотрела на сына.

— Когда смогу говорить спокойно.

Миша кивнул.

— Тогда я тоже буду спокойно.

И снова сердце не выдержало.

Арина наклонилась и поцеловала его в макушку.

— Ты не обязан быть спокойным за взрослых.

— А ты?

— Я взрослая.

— Но ты тоже не железная.

Она замерла.

Потом слабо улыбнулась.

— Нет. Не железная.

— Тогда я просто буду рядом.

Лифт открылся.

Кирилл стоял у выхода из подъезда.

Он всё-таки не ушёл.

Видимо, ждал в машине или на улице, рассчитывая, что она успокоится, позовёт, откроет, снова пустит его в дом и в свою нерешительность. Увидев сумки и Мишу, он резко выпрямился.

— Что это?

Миша сильнее прижался к матери.

Арина поставила сумку на пол, чтобы не дрогнули руки.

— Мы едем к Насте.

— Я сказал, ты никуда его не повезёшь.

— Не говори при нём так.

Кирилл посмотрел на сына и тут же сменил лицо. Быстро. Почти ловко.

— Миш, чемпион, всё нормально. Мама просто расстроилась. Давайте поднимемся домой, ладно?

Миша молчал.

Арина видела, как его пальцы вцепились в динозавра.

— Кирилл, отойди от двери.

— Нет.

— Такси ждёт.

— Пусть ждёт.

— Не устраивай этого при ребёнке.

Он наклонился к Мише.

— Сын, ты же не хочешь ночью ехать непонятно куда? Дома твоя кровать, игрушки.

Мама просто...

— Хватит, — сказала Арина.

Кирилл поднял глаза.

— Что хватит?

— Говорить через него со мной.

— Я разговариваю с сыном.

— Ты используешь сына, потому что мне уже не можешь приказывать.

Он резко выпрямился.

— Ты выбирай слова.

— Я сегодня слишком долго выбирала. Теперь говорю точные.

Дверь подъезда открылась, впуская холодный ночной воздух. На улице у бордюра стояла машина. Водитель не выходил, но смотрел в их сторону через стекло.

Кирилл заметил.

Его лицо снова стало жёстким.

— Если ты сейчас уйдёшь, назад будет не так просто вернуться.

Арина подняла сумку.

— Я это и планирую.

— Ты не потянешь.

— Проверю.

— Я тебя предупреждал.

— Я слышала.

Она взяла Мишу за руку и пошла к двери.

Кирилл схватил сумку за ремень.

Не её руку.

Сумку.

Но этого хватило.

Миша испуганно втянул воздух.

Арина остановилась и медленно повернулась.

— Отпусти.

— Арина.

— Отпусти сумку.

В её голосе было что-то такое, что Кирилл отпустил.

Не сразу.

Через секунду.

Но отпустил.

Она не стала ничего добавлять. Не бросила победную фразу. Не обернулась. Просто вывела сына на улицу, открыла дверцу машины, помогла ему сесть, поставила сумку в багажник и села рядом.

Кирилл вышел на крыльцо.

Свет подъезда лежал на его лице жёлтыми пятнами. Он стоял в пальто, красивый, злой, потерявший управление над сценой, которую привык вести сам.

Когда машина тронулась, он набрал её номер.

Телефон завибрировал в ладони.

Арина посмотрела на экран.

Не ответила.

Миша положил голову ей на плечо.

— Мам?

— Да?

— Мы правда не прячемся?

Она посмотрела в окно на ночной город, на мокрые фонари, на редкие машины, на собственное отражение в стекле — усталое, бледное, но уже не прежнее.

— Правда, — сказала она. — Мы уходим туда, где можно дышать.

Настя встретила их в домашнем свитере, с растрёпанными волосами и лицом женщины, которая не будет задавать лишних вопросов при ребёнке.

Она просто открыла дверь шире.

— Заходите.

Миша вошёл первым, сонный, замёрзший, с динозавром под мышкой. Настя сразу присела перед ним.

— Привет, герой. У меня для тебя диван-крепость и плед с медведями. Подойдёт?

— Подойдёт, — тихо сказал Миша.

— Отлично. Тогда крепость ждёт командира.

Арина едва заметно кивнула подруге.

Спасибо.

Настя только коротко сжала её плечо.

Потом они устроили Мишу в маленькой гостиной. Он почти сразу лёг, но долго держал Арину за руку.

— Ты не уйдёшь? — спросил он.

— Нет.

— А папа сюда не придёт?

— Нет.

— Ты уверена?

Арина посмотрела на Настю.

Та стояла в дверях, скрестив руки на груди, и в её взгляде было столько спокойной решимости, что Арина впервые за ночь поверила: да, сюда Кирилл не войдёт.

— Уверена.

Миша закрыл глаза.

Через несколько минут дыхание стало ровнее.

Только тогда Арина вышла на кухню.

Настя уже поставила чайник, достала две кружки и тарелку с печеньем. Обычная маленькая кухня, жёлтый свет, холодильник, стол у окна. Так просто. Так буднично. И от этой будничности Арине вдруг захотелось опуститься на пол.

Она села на стул.

Настя поставила перед ней кружку.

— Рассказывай.

Арина открыла рот.

И не смогла.

Первые слова застряли где-то в груди.

Настя села напротив.

— Ладно. Тогда я спрошу. Он изменил?

Арина кивнула.

— Давно?

— Не знаю. Но она написала, что устала быть тайной.

Настя закрыла глаза.

— Мразь.

— Не при Мише.

— Миши здесь нет. Мразь.

Арина вдруг усмехнулась.

— Ты очень бережная.

— Я сейчас подруга, а не дипломат.

— Он сказал, что я перестала быть женщиной.

Настя открыла глаза.

В них на секунду появилось такое выражение, что Арине стало почти жалко Кирилла, если бы он сейчас оказался рядом.

— Он сказал что?

— Что я мать. Что я усталая. Что дома ему выставляют счёт. Что человеку нужно чувствовать себя живым.

Настя медленно поставила кружку.

— Арин, я сейчас очень хочу сказать много слов, которые Мише точно нельзя слышать даже сквозь сон.

— Не надо.

— Надо. Но я сдержусь.

Арина посмотрела на чай.

Пальцы лежали на кружке, но тепла она почти не чувствовала.

— Я выгнала его. Потом сама уехала.

— Правильно.

— Он сказал, я не справлюсь.

— Конечно, сказал. Потому что ему выгодно, чтобы ты в это верила.

— А если не справлюсь?

Настя наклонилась через стол.

— Справишься не сразу. Не идеально. Будешь ошибаться, плакать, злиться, считать деньги, бояться, ругаться с документами и иногда думать, что проще было остаться. Но это не значит «не справишься». Это значит «будешь жить заново».

Арина прикрыла глаза.

— Я боюсь.

— Знаю.

— У меня на карте немного. Часть денег на общих счетах. Документы по квартире я толком не понимаю. Он всё вёл сам.

— Завтра разберём.

— Завтра Миша в школу.

— Отведём. Потом сядем и разберём.

— Ты говоришь так, будто всё просто.

— Нет. Я говорю так, будто ты не одна.

И вот тут Арина всё-таки заплакала.

Не громко.

Не красиво.

Сначала одна слеза упала в чай, потом вторая, потом она закрыла лицо ладонями, и всё, что держалось на достоинстве, злости, страхе, холодной ясности и необходимости быть матерью, наконец треснуло.

Настя не бросилась обнимать сразу.

Она знала Арину.

Просто сидела рядом. Дала ей несколько минут рухнуть без свидетелей, без Кириллова раздражения, без необходимости быть спокойной для ребёнка.

Потом встала, подошла и обняла её за плечи.

— Всё, — сказала тихо. — Дыши. Сегодня ты сделала главное.

— Что?

— Ушла до того, как он убедил тебя остаться виноватой.

Арина плакала ещё немного.

Потом умылась, проверила Мишу, поставила телефон на зарядку и легла на узкий диван в комнате Насти. Спать не получалось. В голове крутились обрывки вечера: свечи, рубашка, «ты мать», Кирилл у подъезда, Мишина ладонь, сообщение Леры.

Она открыла телефон.

От Кирилла было двенадцать пропущенных и семь сообщений.

Ты ведёшь себя безответственно.

Верни сына домой.

Я не позволю тебе настраивать его против меня.

Завтра поговорим с моими родителями.

Они должны знать, что ты устроила.

Последнее пришло десять минут назад:

Подумай о деньгах, Арина. Гордость быстро заканчивается.

Она смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

Потом сделала снимки всех сообщений.

И только после этого наконец провалилась в тяжёлый, рваный сон.

Утро не принесло облегчения.

Оно принесло телефонный звонок от свекрови.

Арина проснулась от вибрации, не сразу поняв, где находится. Серый рассвет просачивался через занавески Настиной комнаты. На соседней подушке лежала сложенная одежда Миши. Из кухни тихо доносились шаги подруги.

На экране было:

Лидия Павловна

Арина смотрела на имя несколько секунд.

Потом ответила.

— Доброе утро.

— Арина, что ты натворила? — голос свекрови был холодным и громким даже без повышения тона.

Арина села.

— Лидия Павловна, если вы хотите поговорить...

— Я хочу понять, почему мой сын ночью звонил мне с улицы и говорил, что ты выгнала его из дома и увезла ребёнка.

Арина закрыла глаза.

Кирилл не терял времени.

— Он рассказал почему?

— Он сказал, что ты устроила скандал на пустом месте.

— Конечно.

— Не начинай этим тоном. Ты взрослая женщина. У вас ребёнок. Нельзя при первой ссоре хватать мальчика и бежать по подругам. Это нестабильно.

Слово ударило неприятно.

Не потому, что было новым.

Потому что оно слишком хорошо ложилось в Кириллов план.

Нестабильная.

Обиженная.

Эмоциональная.

Неблагодарная.

Арина встала и вышла в коридор, чтобы Миша не услышал.

— Лидия Павловна, у Кирилла другая женщина.

На другом конце повисла пауза.

Короткая.

Слишком короткая.

— В семьях бывает разное, — сказала свекровь.

Арина медленно прислонилась плечом к стене.

Вот и всё.

Не удивление.

Не возмущение.

Не «как он мог».

В семьях бывает разное.

— Понятно, — сказала она.

— Умная женщина не разрушает дом из-за мужской слабости.

— А глупая?

— Глупая остаётся одна с ребёнком и потом жалеет.

Арина посмотрела на закрытую дверь гостиной, за которой спал Миша.

— Я лучше пожалею о свободе, чем о том, что научила сына считать предательство нормой.

— Не говори громких слов. Ты сейчас обижена и не думаешь о будущем.

— Я как раз впервые о нём думаю.

— Кирилл сказал, ты в последнее время стала раздражительной, холодной. Он переживает за Мишу.

Арина тихо усмехнулась.

— Он так быстро переживает, что уже успел выставить меня проблемой?

— Арина.

— Что?

— Верни ребёнка домой. Потом будете разбираться.

— Нет.

— Что значит нет?

— Значит, Миша останется со мной. Кирилл может видеть его, когда мы договоримся спокойно и без давления.

— Ты не имеешь права решать одна.

— А Кирилл имел право один решать, что я ему больше никто?

Снова пауза.

На этот раз длиннее.

— Ты пожалеешь об этом разговоре, — сказала Лидия Павловна.

— Возможно. Сегодня все очень хотят, чтобы я пожалела.

Она завершила звонок первой.

Руки снова дрожали.

Но голос не сорвался.

Из кухни вышла Настя.

— Свекровь?

— Да.

— Уже?

— Кирилл работает быстро.

— Что сказала?

— Что умная женщина не разрушает дом из-за мужской слабости.

Настя посмотрела в потолок.

— Я всё ещё сдерживаюсь, потому что в квартире ребёнок.

Арина почти улыбнулась.

— Спасибо.

— Не за что. Завтрак через десять минут. Потом школа. Потом будем смотреть документы и деньги.

Деньги.

Арина взяла телефон и открыла банковское приложение.

Сначала не поняла.

Обновила.

Ещё раз.

Потом медленно села на стул в коридоре.

Настя сразу подошла.

— Что?

Арина смотрела на экран.

Доступ к семейному счёту был ограничен.

Совместная карта не отображалась.

Перевод с накопительного счёта был недоступен.

Вверху сухо висело уведомление:

Операции временно ограничены по инициативе основного держателя.

Основного держателя.

Она несколько секунд не могла даже вдохнуть нормально.

Потом пришло сообщение от Кирилла.

Я предупреждал. Хочешь воевать — воюй. Но не за мой счёт.

Следом ещё одно:

Мама знает, что ты сорвалась. Мои родители готовы подтвердить, что ты давно ведёшь себя странно. Подумай, пока не поздно.

Арина подняла глаза на Настю.

Вчера она ушла от мужа.

А сегодня он начал отнимать у неё почву под ногами.

Не кулаком.

Не криком.

Не громкой сценой.

Счетами, родственниками и спокойной уверенностью, что страх всё равно вернёт её домой.

Глава 3. Миллиардер, которому я задолжала чужую правду

Арина смотрела на сообщение Кирилла так долго, что экран успел погаснуть.

Потом загорелся снова, потому что палец всё ещё лежал на стекле.

Хочешь воевать — воюй. Но не за мой счёт.

Вот и всё.

Восемь лет брака, общий сын, свечи на столе, детская рубашка с якорями, пирог, который Миша украшал маленькими руками, её ночной уход с сумкой и комком страха в горле — всё это Кирилл сумел уложить в одну фразу.

Не за мой счёт.

Как будто она была не женой, не матерью его ребёнка, не человеком, который годами держал их дом, а расходной строкой, которую он решил временно заморозить.

Арина сидела на стуле в узком коридоре Настиной квартиры и вдруг с пугающей ясностью поняла: он не просто злился. Он не просто хотел вернуть контроль. Он уже начал действовать.

Не уговорами.

Не раскаянием.

Не попыткой понять, что сделал.

Деньгами.

Родителями.

Сомнениями в её нормальности.

Тем самым привычным набором рычагов, которым мужчины вроде Кирилла пользовались без крика, без грязных слов и без следов на дверях. Просто нажимали на то, что у женщины болит сильнее всего: ребёнок, безопасность, завтрашний день.

Настя стояла рядом, в домашнем свитере и с чашкой в руке. По её лицу было видно, что она прочитала всё с одного взгляда.

— Покажи, — сказала она.

Арина молча протянула телефон.

Настя прочитала сообщение, потом уведомление в банковском приложении, потом второе сообщение Кирилла. Лицо у неё стало таким спокойным, что Арине стало почти страшно.

Настя редко была по-настоящему спокойной.

Обычно она бурчала, язвила, ворчала на мир, на цены, на начальство, на соседей сверху, которые по вечерам двигали мебель так, будто искали вход в подzemелье. Но когда Настя становилась тихой, это означало только одно: внутри уже всё решено.

— Так, — сказала она. — Завтрак. Школа. Потом документы.

— Настя.

— Нет. Сейчас не будем сидеть и смотреть, как он пугает тебя циферками.

— Это не циферки.

— Это циферки, которыми он пытается придавить тебе грудь. Разница есть.

Арина выдохнула.

Смех не получился, но уголок губ всё-таки дрогнул.

— Ты умеешь утешать.

— Я умею злиться с пользой. Вставай. Миша проснётся через пять минут, а у тебя лицо человека, который только что увидел конец света в банковском приложении.

— Примерно так и есть.

— Нет. Конец света был вчера. Сегодня у нас уборка после него.

Настя вернула телефон и ушла на кухню.

Арина осталась сидеть.

Из маленькой гостиной донёлся сонный шорох. Миша, наверное, перевернулся на диване. Она тут же встала, будто её подняли за нитку. Взрослые катастрофы могли ждать. Ребёнок — нет.

Он проснулся через несколько минут. Сел под пледом с медведями, прижимая к себе плюшевого динозавра. Волосы торчали в разные стороны, лицо было помятым и растерянным.

— Мам, мы у тёти Насти?

— Да.

— Значит, я не сон видел?

Арина присела перед диваном.

— Нет, солнышко. Не сон.

Миша посмотрел на окно, на незнакомую гостиную, на свои ботинки у дивана, потом на неё.

— А папа звонил?

— Да.

— Ты ответила?

— Нет. Мы поговорим позже.

Он кивнул слишком серьёзно.

— Он сердится?

— Да.

— Потому что мы уехали?

— Потому что взрослые иногда сердятся, когда им не дают решать за всех.

Миша задумался.

— Это про папу?

Арина провела ладонью по его волосам.

— Это вообще про взрослых. Иногда они забывают, что другие люди тоже люди.

— Я не хочу, чтобы вы ругались.

— Я знаю.

— Но ты же не будешь возвращаться только потому, что он сердится?

Вопрос прозвучал так тихо, что Арине показалось: если она сейчас вдохнёт слишком резко, он разобьётся.

Она посмотрела на сына и вдруг поняла, что все её аккуратные взрослые формулировки не помогут там, где ребёнок уже увидел больше, чем она хотела показать.

— Нет, — сказала она. — Не буду.

Миша опустил глаза к динозавру.

— Хорошо.

Одно слово.

Но в нём было столько облегчения, что Арина на секунду не смогла говорить.

Настя появилась в дверях.

— Командир диванной крепости, у нас завтрак. Сырники без изюма, потому что изюм — спорная тема, и я уважаю детскую демократию.

Миша впервые за утро почти улыбнулся.

— А сироп есть?

— Я похожа на человека, у которого нет сиропа?

Он внимательно посмотрел на неё.

— Немного.

— Удар ниже кухни, молодой человек. Идём проверять.

Пока Миша умывался, Арина быстро собрала его школьные вещи. Форма была вчерашняя, рубашка с якорями не подходила для школы, но Настя нашла чистый светлый джемпер племянника, который иногда оставался у неё после выходных. Он был чуть великоват, зато тёплый. Арина расправила его на стуле и поймала себя на странной мысли: вот так теперь будет. Не идеально. Не как в их квартире, где всё лежало по ящикам. Не по привычному маршруту. А как получится. Из чужого шкафа, с быстрыми решениями, с благодарностью за то, что у кого-то есть запасной детский джемпер.

И всё равно лучше, чем вчерашний стол со свечами.

Кирилл позвонил в восемь десять.

Арина стояла у окна в кухне и как раз завязывала Мише шарф. Телефон завибрировал на столе.

Сын посмотрел на экран.

Увидел имя.

Сразу притих.

Настя тоже увидела, но ничего не сказала.

Арина взяла телефон и вышла в коридор.

— Да.

— Наконец-то, — сказал Кирилл. — Где Миша?

Голос был уже другой. Не ночной. Не сорвавшийся. Утренний Кирилл звучал собранно, холодно и уверенно, как человек, который успел поговорить с кем надо и вернуть себе ощущение контроля.

— Собирается в школу.

— Я заеду. Отвезу его.

— Не нужно.

— Арина, не начинай утро с новой глупости.

— Не называй мои решения глупостями.

— Тогда принимай нормальные решения. Я отец. Я имею право видеть сына.

— Я не запрещаю тебе видеть Мишу. Я говорю, что сегодня утром отвезу его сама.

— Из квартиры Насти? Ты серьёзно думаешь, что это нормальная обстановка для ребёнка?

Арина посмотрела на кухню, где Настя подсовывала Мише второй сырник и делала вид, что не слушает.

— Ребёнку сейчас спокойно. Это главное.

— Спокойно? После того как ты ночью выгнала его из дома?

— После того как ты попытался остановить нас у подъезда и говорил с ним так, будто он должен выбирать сторону.

— Я говорил с сыном.

— Ты давил на него.

— Не перекручивай.

— Кирилл, у меня нет сил начинать это снова.

— А придётся. Ты не можешь просто исчезнуть.

— Я не исчезла. Ты знаешь, где мы.

— Тогда возвращайся домой. Поговорим без свидетелей.

— Нет.

Пауза.

— Ты видела счета?

Вот оно.

Арина закрыла глаза на секунду.

— Видела.

— Значит, понимаешь.

— Что именно?

— Что гордость не оплачивает школу, еду и твоё такси к подружке.

Его голос стал мягче.

От этого фразы прозвучала ещё хуже.

— Ты правда решил, что если перекроешь деньги, я вернусь?

— Я решил, что ты должна перестать вести себя как подросток.

— А я решила, что больше не буду жить с мужчиной, который наказывает меня рублём за то, что я не проглотила его измену.

— Осторожнее со словами.

— Я всю ночь была осторожной. Хватит.

— Ты не понимаешь, во что лезешь. У нас общие обязательства. Бизнес. Документы, где ты тоже фигурируешь. Думаешь, всё так просто? Собрала сумку — и стала свободной?

Арина замерла.

— Какие документы?

Кирилл не ответил сразу.

И этой секунды ей хватило, чтобы внутри снова стало холодно.

— Кирилл.

— Приезжай в офис после школы, — сказал он. — Там поговорим.

— О каких документах?

— Приезжай. И без Насти.

— Почему?

— Потому что это семейный вопрос.

— Вчера ты почему-то не считал семью причиной не заводить тайны.

— Арина.

— Что за документы?

— Я сказал, в офисе поговорим.

Он сбросил.

Арина опустила телефон.

Несколько секунд она стояла в коридоре, глядя на стену, где у Насти висела смешная открытка: **«Сложные времена требуют крепкого чая»**. Сейчас она казалась не шуткой, а планом выживания.

Настя вышла из кухни.

— Что?

— Он сказал, есть документы, где я фигурирую. Бизнес. Общие обязательства.

— Ты что-то подписывала?

— Я... — Арина резко остановилась.

Подписывала ли?

Восемь лет брака — это не только поцелуи на фотографиях и совместные ужины. Это бумаги, которые приносит муж и говорит: «Подпиши здесь, это формальность». Это договоры на квартиру. Переоформление доли. Бумаги по семейной фирме, которую Кирилл когда-то открывал «для налоговой чистоты», но объяснял так скучно и уверенно, что Арина подписывала, не вникая до конца. Потому что доверяла. Потому что он говорил: «Я всё проверил». Потому что тогда ей казалось, что семья — это когда один разбирается, а другой верит.

Теперь слово «верит» показалось ей почти неприличным.

— Не знаю, — сказала она. — Наверное, да.

Настя выдохнула через нос.

— После школы едем не к нему.

— А куда?

— Сначала посмотрим папку. Потом ты поедешь не одна.

— Он сказал без тебя.

— Передай ему мысленно, что я растрогана его пожеланиями.

— Настя.

— Арин, он уже перекрыл тебе деньги и подключил маму. Если он зовёт тебя в офис «поговорить о документах», ты не идёшь туда как девочка за разъяснениями к учителю.

— А как?

— Как женщина, которую вчера пытались сделать беспомощной и не успели.

Арина посмотрела на подругу.

— Ты можешь не говорить так красиво утром? Я и так на грани.

— Нет. Красиво — это моя броня вместо твоей. Потом вернёшь.

В школе Миша держался храбро.

Слишком храбро.

У ворот он остановился, поправил лямку рюкзака и посмотрел на Арину снизу вверх.

— Ты заберёшь меня сегодня?

— Конечно.

— Не папа?

— Я.

— Точно?

— Точно.

Он кивнул.

Потом вдруг обнял её на виду у других детей, хотя уже давно считал себя почти взрослым для таких нежностей у школы.

— Я буду нормально, — сказал он ей в пальто.

— А если не будешь, тоже можно.

— Правда?

— Правда.

— Тогда я, может, буду не очень нормально.

У Арины дрогнули губы.

— Договорились.

Он ушёл, несколько раз оглянувшись. Она стояла, пока его фигура не исчезла за стеклянными дверями. Только потом позволила себе медленно выдохнуть.

Настя ждала у машины.

— В офис?

— Сначала домой.

— За документами?

— Да.

— Хорошо.

Но домой ехать оказалось страшнее, чем она думала.

Квартира встретила их тишиной, в которой всё ещё стоял вчерашний вечер. Арина открыла дверь своим ключом и на секунду замерла на пороге. Ей показалось, что сейчас из кухни выйдет Миша в рубашке с якорями, спросит, можно ли зажечь свечи, а из прихожей снова потянется чужой аромат.

Ничего не произошло.

Дом был просто домом.

Но уже не её безопасным местом.

Настя вошла следом и быстро огляделась.

— Кирилла нет.

— Его машина стояла у офиса по пути?

— Ты заметила?

— Да.

— Я тоже. Значит, у нас есть время.

Арина прошла в спальню. Шкаф был приоткрыт, один ящик выдвинут. Вчера Кирилл бросал вещи наспех, но не слишком много. Значит, он планировал вернуться. Конечно, планировал. Он не воспринимал её уход как решение. Только как сбой.

Она достала нижнюю папку из комода. Потом вторую — с документами на квартиру. Третью — с банковскими распечатками, договором по машине, какими-то бумагами по фирме Кирилла, где на нескольких листах действительно стояла её подпись.

Её имя.

Её росчерк.

Её доверие, превращённое в чернила.

Настя разложила документы на кровати.

— Вот это что?

— Не знаю.

— А это?

— Не знаю.

— Арин.

— Я правда не знаю.

Голос почти сорвался, но она удержала.

Настя смягчилась.

— Ладно. Сфотографируем всё. Возьмём оригиналы, где можно. Остальное потом покажем человеку, который понимает.

— Кому?

— У меня есть знакомый консультант по корпоративным документам. Не самый приятный человек, зато умеет читать мелкий шрифт так, будто ищет там личного врага.

— Мне нужен не самый приятный?

— Сейчас тебе нужен полезный.

Они работали быстро. Фотографировали, складывали, проверяли ящики. Арина нашла старую флешку Кирилла в коробке с канцелярией, папку с названием «ЛК-строй», несколько листов с печатью компании и своей подписью внизу. Она всё меньше понимала, что именно держит в руках.

И всё сильнее понимала, что Кирилл рассчитывал именно на это.

На её неведение.

На её привычку не задавать вопросы.

На то, что она слишком занята Мишей, домом, ужинами, своей работой, чтобы вникать в документы, которые муж уверенно кладёт перед ней со словами: «Это формальность».

Около одиннадцати Кирилл прислал сообщение:

Ты где?

Арина не ответила.

Через минуту:

Я жду в офисе. Не заставляй меня приезжать самому.

Настя прочитала через её плечо.

— Прекрасно. Он ждёт. Пусть знакомится с ожиданием. Полезное чувство.

Арина закрыла папку.

— Я поеду.

— Мы поедем.

— Он разозлится.

— Он уже разозлился. Пусть разнообразит день.

— Настя, мне нужно поговорить с ним самой.

— Ты поговоришь сама. Я посижу в холле и буду выглядеть как человек, который не даст тебе исчезнуть между его аргументами.

Арина хотела возразить, но не смогла.

Потому что это было именно то, чего она боялась.

Исчезнуть.

Не физически. Нет. А внутри разговора. Под его уверенностью, его словами, его знанием бумаг, его «ты не понимаешь», «ты драматизируешь», «я всё контролирую».

Она взяла папку крепче.

— Хорошо.

Офис Кирилла находился в стеклянном бизнес-центре на набережной.

Раньше Арина бывала там несколько раз: привозила ему забытые документы, заезжала перед ужином, однажды вместе с Мишей приносила торт на день рождения. Тогда ей казалось, что офис мужа — часть его взрослого мира, в котором он уверенно решает важные вопросы, а она просто не обязана во всё вникать.

Сегодня здание выглядело иначе.

Не солидным.

Холодным.

В холле пахло кофе, дорогой отделкой и чужими делами. Мужчины в костюмах проходили мимо, женщины с бейджами быстро разговаривали по телефону, турникеты тихо щёлкали, лифты открывались и закрывались, у стойки регистрации сидела девушка с безупречным лицом человека, который вежливо пропустит только тех, кому положено.

Арина вдруг почувствовала, как нелепо выглядит. После бессонной ночи, в пальто, с папкой документов, с волосами, собранными наспех, с лицом женщины, которую вчера предали, а сегодня пригласили «поговорить» о том, где она, оказывается, что-то подписывала.

Настя будто услышала эту мысль.

— Спину ровнее, — сказала она тихо. — Ты не просить пришла. Ты пришла забрать своё понимание.

— Мне нравится, как ты формулируешь.

— Записывай. Потом издам сборник «Как не развалиться до обеда».

Арина почти улыбнулась.

У стойки регистрации девушка подняла глаза.

— Добрый день.

— Добрый, — сказала Арина. — Мне к Кириллу Лебедеву. Арина Лебедева.

Девушка чуть заметно изменилась в лице.

Не сильно.

Но Арина уже научилась читать малое. Вот оно: Кирилл предупредил. Или в офисе уже знали. Или Лера работала здесь. Мысль кольнула резко, но не успела развиться.

— Кирилл Андреевич ожидает вас, — сказала девушка. — Один момент.

Она набрала внутренний номер.

— Марина Сергеевна, Арина Лебедева к Кириллу Андреевичу... Да... Хорошо.

Она положила трубку.

— Вам оформят пропуск.

— И моей подруге.

— В списке только вы.

— Тогда я тоже подожду внизу, — сказала Арина.

Девушка растерялась.

— Простите?

— Если моя подруга не может подняться со мной, я не поднимаюсь.

Настя медленно повернула голову и посмотрела на неё.

В этом взгляде было гордое: **вот теперь узнаю.**

Регистратор снова взяла трубку.

Через минуту пропуска сделали обеим.

Кирилл встретил их на двадцать втором этаже.

Не у себя в кабинете, а возле переговорной. Видимо, не хотел вести Арину через весь офис. Или хотел показать, что ситуация деловая, контролируемая, не семейная. На нём был тёмный костюм, белая рубашка без следов, идеально завязанный галстук. Лицо свежее. Волосы уложены. Никакой ночи у подъезда. Никакой сумки. Никакой вины.

Он выглядел так, будто это Арина пришла не вовремя.

Его взгляд сразу упал на Настю.

— Я просил без сопровождающих.

Настя улыбнулась.

— А я не просила ваших просьб.

Арина с трудом не посмотрела на неё с благодарностью.

Кирилл сжал губы.

— Арина, это семейный разговор.

— Нет, — сказала она. — Ты сказал, речь о документах и обязательствах. Значит, разговор уже не только семейный.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— С этой фразы у нас вчера уже был насыщенный вечер. Давай к делу.

Он окинул её взглядом. Папка в её руках ему не понравилась.

— Ты брала документы из квартиры?

— Нашей квартиры.

— Без моего согласия?

— Там есть мои документы. И мои подписи.

— Ты снова начинаешь с позиции обвинения.

— А ты снова начинаешь с попытки сделать вид, что я пришла сюда без причины.

Настя тихо сказала:

— Я посижу в холле. Но дверь не закрывайте.

Кирилл посмотрел на неё холодно.

— Это офис, а не коммунальная кухня.

— Вот и отлично. В офисах обычно боятся свидетелей меньше, если всё чисто.

Он ничего не ответил.

Арина вошла в переговорную.

Там стоял длинный стол, экран на стене, графин с водой, чашки, аккуратные блокноты с логотипом компании Кирилла — «ЛК-СтройИнвест». Логотип она видела сотни раз, но впервые он показался ей не символом его успеха, а вывеской на двери, за которой она ничего не знала.

Кирилл закрыл дверь, но не плотно.

Настя осталась снаружи на диване.

Арина села не там, куда он указал, а напротив.

Ему это тоже не понравилось.

— Что ты хочешь знать? — спросил он.

— Что я подписывала.

— Много чего за эти годы.

— Начни с того, что создаёт проблемы сейчас.

Он усмехнулся.

— Проблемы создаёшь ты.

— Кирилл.

— Хорошо. В прошлом году мы оформляли пакет документов для инвестиционной линии. Ты была соучредителем в одной из вспомогательных компаний.

Арина смотрела на него.

— Я была кем?

— Формально. Я объяснял.

— Ты сказал, что это нужно для семейного проекта и ни на что не влияет.

— На тот момент так и было.

— А сейчас?

Он откинулся на спинку кресла.

— Сейчас один из проектов задержан. Партнёр требует пересмотра условий.

— Какой партнёр?

— Орлов Девелопмент.

Название прозвучало тяжело.

Арина слышала его раньше. Конечно, слышала. Демид Орлов — фамилия из деловых новостей, закрытых рейтингов, разговоров Кирилла по телефону, где он становился особенно осторожным и собранным. Миллиардер. Владелец холдинга. Человек, о котором Кирилл однажды сказал: «С такими лучше не спорить, если не уверен, что уже победил».

— Демид Орлов? — спросила она.

— Да.

— И при чём здесь я?

Кирилл отвёл взгляд к окну.

Ненадолго.

Но ей хватило.

— Кирилл.

— На некоторых документах стоит твоя подпись.

— Каких?

— Арина, ты не поймёшь.

— Попробуй.

— Есть обязательства по передаче доли в проекте, если мы не выполняем условия в срок.

— Мы?

— Компания.

— Почему тогда там моя подпись?

Он раздражённо выдохнул.

— Потому что так была построена структура. Ты была учредителем. Я действовал в интересах семьи.

— В интересах семьи ты спал с Лерой или это отдельное направление?

Лицо Кирилла резко потемнело.

— Не смешивай.

— Это ты смешал. Мою подпись, свою фирму, семейные деньги, чужую женщину и угрозы в один прекрасный пакет. Я просто пытаюсь понять, где именно меня сделали участником без моего понимания.

— Никто тебя не делал. Ты подписывала сама.

— Потому что ты говорил, что это формальность.

— Взрослый человек читает то, что подписывает.

Фраза попала больно.

Потому что была правдой.

Не всей, но частью.

Арина не стала спорить. Впервые за разговор Кирилл, сам того не желая, сказал то, что она должна была признать.

Она подписывала.

Она доверяла.

Она не читала.

И теперь не могла просто стереть это обидой.

— Да, — сказала она. — Это моя ошибка.

Кирилл моргнул.

Он явно ожидал оправданий.

Арина положила ладонь на папку.

— Но моя ошибка не отменяет твоей лжи. Покажи документы.

— Я не обязан.

— Тогда зачем позвал?

— Чтобы ты поняла масштаб.

— Я хочу увидеть масштаб на бумаге, а не в твоих интонациях.

Кирилл смотрел на неё несколько секунд.

Потом встал, подошёл к тумбе у стены, достал папку и бросил на стол.

— Смотри.

Арина открыла.

Листы, таблицы, приложения, печати, подписи. Слишком много слов. Слишком много мелкого текста. Доли, обязательства, сроки, поручительства, инвестиционный транш, ответственность сторон. Её имя возникало там несколько раз. **Лебедева Арина Сергеевна**. Чёрным по белому. В строках, где она не понимала половины смысла.

— Здесь написано, что я... — Она остановилась, пытаясь собрать фразу. — Что я подтверждала согласие на передачу доли?

— При определённых условиях.

— Эти условия наступили?

— Не совсем.

— Кирилл.

— Проект задержан. Орлов требует либо деньги, либо актив. Я решаю вопрос.

— Как?

— Не твоё дело.

Она подняла глаза.

— Моё имя в документах.

— Формально.

— Моя подпись.

— Формально.

— Деньги на семейном счёте заблокированы тобой.

— Потому что ты ведёшь себя непредсказуемо.

— А ты использовал меня как ширму?

Он резко наклонился к столу.

— Не смей так говорить. Всё, что у нас было, я строил. Я рисковал. Я договаривался. Ты жила в квартире, ездила на машине, водила ребёнка в хорошую школу и не спрашивала, откуда что берётся. А теперь внезапно решила изображать принципиальность?

Арина почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Не от стыда.

От злости.

— Я спрашивала.

— Когда?

— Много раз. Ты отвечал: «Я всё контролирую».

— Потому что контролировал.

— Нет. Ты просто не давал мне видеть, что я стою в твоих документах, как удобная подпись.

Он открыл рот, но в этот момент дверь переговорной открылась.

Не распахнулась.

Просто открылась.

И в комнату вошёл мужчина, при виде которого Кирилл выпрямился так резко, будто его дёрнули за плечи невидимой нитью.

Арина сразу поняла, кто это.

Не потому, что видела фотографии. Фотографии в сети не передавали главного.

Демид Орлов не выглядел как человек, которому нужно объявлять о своём статусе. Он входил в пространство так, будто оно само перестраивалось под него. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем тёмном костюме без показной роскоши, с лицом, в котором не было ни усталой деловитости Кирилла, ни его раздражённого обаяния. Черты резкие, взгляд прямой, холодный и внимательный. Не суетливый. Не оценивающий поверхностно. Такой взгляд не скользил — фиксировал.

За ним вошла женщина лет сорока с планшетом и двое мужчин, похожих не на охрану, а на людей, которые умеют молчать за деньги и помнить всё дословно.

Кирилл первым заговорил.

— Демид Викторович, встреча была назначена на двенадцать.

— На одиннадцать тридцать, — сказал Орлов.

Голос у него был низкий, спокойный, без нажима. Но после него Кирилл почему-то не возразил.

Арина посмотрела на часы.

Одиннадцать тридцать две.

Орлов перевёл взгляд на неё.

Не удивился.

Не спросил, кто она такая.

— Арина Сергеевна Лебедева?

Она медленно поднялась.

— Да.

— Демид Орлов.

— Я поняла.

Он чуть приподнял бровь.

— По лицу Кирилла Андреевича?

— По тому, как он впервые за утро замолчал.

На долю секунды в переговорной стало совсем тихо.

Женщина с планшетом опустила глаза, но Арине показалось, что уголок её губ дрогнул.

Кирилл резко сказал:

— Арина.

— Что? Я же не ошиблась.

Орлов посмотрел на неё чуть внимательнее.

Не улыбнулся.

Но что-то в его взгляде изменилось. Не мягкость. Скорее интерес.

— Не ошиблись, — сказал он.

Кирилл сжал пальцы на спинке кресла.

— Демид Викторович, это личная ситуация. Арина Сергеевна не участвует в переговорах.

— Участвует, — ответил Орлов.

— С чего бы?

— С того, что её подпись стоит в документах, которые мы сейчас обсуждаем.

Арина почувствовала, как пол под ногами стал менее надёжным.

Вот оно.

Не Кирилл пугает.

Не преувеличивает.

Не играет на её страхе.

Демид Орлов, человек, которому Кирилл задолжал достаточно, чтобы побледнеть при его входе, сказал то же самое.

— Я не знала, — произнесла Арина.

Орлов не сводил с неё взгляда.

— Чего именно?

Кирилл вмешался сразу:

— Она не в теме.

— Я спросил Арину Сергеевну.

Тихо.

Даже вежливо.

Но так, что Кирилл замолчал.

Арина впервые за утро ощутила странное: рядом с этим холодным человеком ей не стало легче, нет. Наоборот, воздух стал тяжелее. Но в этой тяжести не было Кирилловой липкой манипуляции. Орлов не пытался сделать её слабой. Он просто требовал ясности.

И, возможно, впервые за сутки кто-то спрашивал именно её.

Не через мужа.

Не через роль матери.

Не через обвинение.

— Я не знала, что являюсь участником компании, — сказала она медленно. — Не знала, что моя подпись связана с обязательствами перед вами. Не знала, что у Кирилла Андреевича сорван проект. Не знала, что семейные счета будут заблокированы сегодня утром.

Орлов перевёл взгляд на Кирилла.

Тот усмехнулся.

— Арина сейчас в эмоциональном состоянии. Мы вчера поссорились.

— Мне неинтересна ваша ссора, — сказал Орлов.

Фраза прозвучала резко.

У Арины что-то внутри дёрнулось.

Неинтересна.

Конечно.

Для него это не её рухнувший брак. Не ночь с ребёнком у подруги. Не чужая помада. Не сообщения Леры. Для него всё это фон. Документы, деньги, активы, просрочка.

Хищник.

Холодный.

Рациональный.

Она вдруг почувствовала злость уже на него.

— Разумеется, — сказала она. — Вам интересна моя подпись.

Орлов снова посмотрел на неё.

— В данный момент — да.

— Удобно.

— Неудобно, — ровно ответил он. — Если бы было удобно, я разговаривал бы только с Кириллом Андреевичем.

Она не нашла, что сказать сразу.

Кирилл воспользовался паузой.

— Демид Викторович, я готов обсудить новый график. Вопрос с Ариной я решу отдельно.

— Нет.

— Простите?

— Вопрос с Ариной Сергеевной вы отдельно решать не будете. Не после того, как я вижу её имя в документах и слышу, что она не понимает, какие обязательства вы на неё повесили.

Кирилл побледнел.

— Вы сейчас делаете выводы со слов женщины, которая вчера выгнала мужа из дома.

Арина застыла.

Вот теперь он сделал это при чужих.

Принёс их ночную грязь в переговорную, как аргумент против её разума.

Орлов не изменился в лице.

— Я делаю выводы по документам.

— Документы в порядке.

— Это мы проверим.

— Проверяли уже.

— Значит, проверим ещё раз.

Женщина с планшетом подошла к столу и разложила несколько папок. Орлов сел во главе стола, но не жестом хозяина. Скорее так, будто это место было единственным логичным. Его люди заняли позиции у стены. Кирилл сел напротив, с видом человека, который изо всех сил пытается вернуть себе контроль.

Арина стояла.

Она не понимала, должна ли уйти.

Остаться.

Сесть.

Потребовать объяснений.

Закричать, что никто не имеет права обсуждать её подписи так, будто она приложение к договору.

Орлов поднял глаза.

— Садитесь, Арина Сергеевна.

— Это распоряжение?

— Предложение. Стоять следующие сорок минут будет неудобно.

— А если я не хочу следующие сорок минут обсуждать то, о чём узнаю впервые?

— Тогда уйдёте. Но незнание не уберёт вашу фамилию из документов.

Жёстко.

Почти грубо.

Но не лживо.

Арина села.

Кирилл наклонился к ней.

— Не говори лишнего.

Она повернула голову.

— Ты слишком поздно вспомнил, что мне можно что-то говорить.

Орлов услышал.

Конечно, услышал.

Но не вмешался.

Его юристка — или кто бы она ни была — открыла папку.

— По договору от девятнадцатого мая прошлого года компания «ЛК-Север», где Арина Сергеевна числится соучредителем с долей двадцать пять процентов, выступила стороной в обеспечительной структуре сделки по проекту «Береговой квартал». Условия передачи доли активируются при нарушении сроков финансирования и невыполнении строительного этапа.

Арина слушала и понимала отдельные слова.

Компания.

Доля.

Сделка.

Передача.

Нарушение сроков.

Но вместе они складывались в стену.

— Объясните проще, — сказала она.

Кирилл скривился.

— Арина...

— Проще, — повторил Орлов, не глядя на него.

Женщина с планшетом кивнула.

— Ваша подпись подтверждает, что при определённых нарушениях вы согласны на передачу доли компании, связанной с проектом, в пользу структуры Демида Викторовича.

— Я не знала, что подписываю это.

— Документ подписан собственноручно? — спросил Орлов.

Арина посмотрела на копию.

Подпись была её.

Точная.

Никакой подделки.

Вот что было самым мерзким.

Кирилл не украл её руку.

Он украл её доверие.

— Да, — сказала она.

Кирилл выдохнул с облегчением, но рано.

— Но я подписывала это дома, на кухне, — продолжила Арина. — Кирилл сказал, что это формальность для семейной компании и что рисков для меня нет.

— Арина, — резко сказал Кирилл, — не надо выставять себя дурочкой. Ты взрослая женщина. Документ лежал перед тобой.

Она повернулась к нему.

— Да. Лежал. Рядом с Мишиными учебниками, квитанциями и твоим ужином. Ты сказал: «Подпиши, я всё проверил». Я подписала. Это не делает меня дурочкой. Это делает меня человеком, который верил мужу.

Впервые в глазах Кирилла мелькнуло что-то похожее на настоящую злость.

Потому что фраза была простой.

И опасной.

Она не оправдывала Арину полностью. Но показывала, как именно он действовал.

Орлов молчал.

Потом взял один лист, посмотрел и спросил:

— Вы получали копию договора?

— Нет.

— Разъяснение условий?

— От Кирилла. Как видите, оно было кратким.

— Уведомления о нарушении сроков?

— Нет.

Он перевёл взгляд на Кирилла.

— Почему?

— Потому что я занимался вопросом.

— Без второго участника?

— Арина не участвует в операционном управлении.

— Но участвует в ответственности.

Кирилл сжал губы.

— Формально.

— Вы слишком часто используете это слово, когда речь идёт о чужих обязательствах.

Арина посмотрела на Орлова.

Холодный хищник.

Да.

Но почему-то именно он сейчас произнёс то, что она пыталась сформулировать весь день.

Кирилл выпрямился.

— Демид Викторович, давайте без морали. У вас интерес — получить деньги или долю. У меня интерес — сохранить проект. Арина здесь лишняя.

— Нет, — сказал Орлов. — Лишней её сделали вы. Но в документах она есть.

Арина почувствовала странное, почти болезненное облегчение.

Не потому, что ситуация стала проще.

Она стала хуже.

Гораздо хуже.

Но правда обрела форму. Её больше нельзя было размыть фразами Кирилла о женской эмоциональности.

Она была в папке.

С датами.

Подписями.

Условиями.

— Что мне грозит? — спросила Арина.

Кирилл резко повернулся.

— Ничего тебе не грозит, если ты перестанешь мешать.

Она даже не ответила.

Смотрела на Орлова.

Он выдержал её взгляд.

— Сейчас — репутационные и имущественные последствия в рамках доли. Личная финансовая ответственность зависит от связанного пакета документов. Я не буду делать выводы без проверки.

— А если проверка покажет, что я подписала всё?

— Тогда ваша позиция осложняется.

Честно.

Жёстко.

Без утешения.

Арина опустила взгляд.

Ей захотелось вдруг выйти. Не театрально. Просто уйти куда-нибудь, где нет этих слов, печатей, чужих мужчин, которые годами строили свои игры, а теперь объясняли ей правила после первого штрафного удара.

Но она осталась.

— Я хочу копии всех документов, где есть моё имя.

Кирилл тут же сказал:

— Нет.

Орлов — одновременно:

— Да.

Они посмотрели друг на друга.

Кирилл усмехнулся.

— Это документы моей компании.

— Это документы с подписью Арины Сергеевны.

— Вы не имеете права передавать ей коммерческие материалы.

Орлов слегка наклонил голову.

— Тогда передайте вы.

— Я не обязан.

— Обязаны, если не хотите, чтобы вопрос о введении её в заблуждение стал отдельной темой следующей встречи.

Кирилл побледнел сильнее.

Арина не знала, что именно означает такая формулировка, но поняла главное: ему неприятно.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказал Кирилл уже ей.

— Сегодня эта фраза теряет свежесть.

— Арина.

— Я хочу копии.

Он наклонился ближе, понизил голос:

— Не играй против меня.

— Я пытаюсь перестать быть фигурой в твоей игре.

Орлов услышал и это.

Его взгляд скользнул по ней быстро, но уже не как по подписи в договоре. Как по человеку, который держится на остатках сна, злости и достоинства, но всё равно держится.

— Мария, — сказал он женщине с планшетом, — подготовьте список документов, где фигурирует Арина Сергеевна. Копии — через общий защищённый доступ и отдельно в печати, если она потребует.

— Демид Викторович, — Кирилл резко поднялся, — вы сейчас вмешиваетесь в мои семейные отношения.

Орлов медленно поднял на него глаза.

— Я вмешиваюсь в сделку, по которой вы задолжали моему холдингу восемьсот сорок миллионов рублей.

Тишина стала такой плотной, что Арина услышала собственное дыхание.

Восемьсот сорок миллионов.

Не задержка.

Не сложность.

Не проектный вопрос.

Сумма, которая не помещалась в её жизнь.

Кирилл закрыл глаза на секунду.

Арина смотрела на него.

— Сколько? — спросила она тихо.

— Арина...

— Сколько ты должен?

— Это не личный долг.

— Сколько?

Он не ответил.

Орлов ответил вместо него:

— Восемьсот сорок миллионов по текущему пакету обязательств. С учётом потерь по срокам сумма может измениться.

У Арины на секунду стало пусто в голове.

Не страшно даже.

Пусто.

Она вспомнила вчерашний ужин. Свечи. Пирог. Мишу, который спрашивал, помнит ли папа. Кирилла, который говорил, что у него тяжёлый день. Леру, которая устала быть тайной. Свекровь, которая советовала быть умной женщиной. Счета, заблокированные по инициативе основного держателя.

И где-то под всем этим — восемьсот сорок миллионов.

— Ты скрывал это? — спросила она.

Кирилл раздражённо ударил ладонью по столу.

— Потому что ты бы всё равно ничего не поняла!

Арина не вздрогнула.

Хотя удар был громким.

Орлов чуть повернул голову.

Двое мужчин у стены выпрямились.

Кирилл заметил и опомнился.

— Простите, — сказал он сухо. — Нервы.

— Держите их при себе, — произнёс Орлов.

Кирилл посмотрел на него с ненавистью.

Арина вдруг поднялась.

— Мне нужны копии. И время.

— У тебя нет времени, — сказал Кирилл. — У нас нет времени. Поэтому ты сейчас едешь домой, мы спокойно обсуждаем, что делать, и ты не разносишь это по подругам.

— Я не поеду домой.

— Арина.

— Я не поеду домой, Кирилл. Ни сегодня, ни завтра. Не после Леры, не после счетов, не после твоей матери и не после того, как узнала, что моя подпись стоит в документах на сотни миллионов, о которых ты мне не сказал.

— Ты драматизируешь сумму, это бизнес.

— Нет. Я драматизирую брак, в котором мне ввали о постели и о бумагах с одинаковой уверенностью.

Он шагнул к ней.

— Ты сейчас сама себя губишь.

Орлов встал.

Не резко.

Но воздух в комнате изменился.

— Разговор окончен, — сказал он.

Кирилл повернулся.

— Вы не можете закончить мой разговор с женой.

— Могу закончить встречу в моём присутствии. Ваши личные вопросы решайте без давления.

— Она моя жена.

Слова ударили по Арине.

Не болью.

Отвращением.

Моя.

После всего он всё ещё говорил так, будто право собственности не истекло.

Она посмотрела на Кирилла.

— Нет.

Он замолчал.

Арина повторила тише, но отчётливее:

— Я была твоей женой. А теперь я человек, которому ты должен правду.

Орлов смотрел на неё без выражения, но почему-то ей показалось, что эти слова он запомнил.

Мария собрала документы.

— Арина Сергеевна, я подготовлю копии в течение часа. Укажите почту.

Кирилл резко сказал:

— Никаких копий.

Орлов не повысил голоса:

— Мария, подготовьте.

— Да, Демид Викторович.

Арина назвала почту.

Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

Потом взяла свою папку и вышла.

Настя тут же поднялась с дивана в холле. Одного взгляда ей хватило, чтобы понять: внутри случилось нечто хуже, чем просто ссора.

— Идём? — спросила она.

— Да.

— Дышишь?

— Не очень.

— Потом подышишь. Сейчас к лифту.

Но до лифта они не дошли.

За спиной прозвучал голос Орлова:

— Арина Сергеевна.

Она остановилась.

Настя тоже.

Демид Орлов вышел из переговорной один. Без Марии, без молчаливых мужчин, без Кирилла. В коридоре он выглядел так же неуместно властно, как в переговорной, будто бизнес-центр был построен с учётом его походки.

— Я не буду обсуждать вашу личную ситуацию, — сказал он.

— Как я уже поняла, она вам неинтересна.

— Как эмоция — не имеет отношения к сделке. Как обстоятельство давления на участника документов — имеет.

Арина смотрела на него.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто человек перед вами — пункт с подпунктами.

Настя тихо кашлянула рядом.

Орлов не обиделся.

Даже не изменился.

— Чаще всего люди сами приходят ко мне с подпунктами.

— А я пришла к мужу за правдой.

— И нашли долг.

— Спасибо за краткое содержание.

Теперь в его глазах мелькнуло что-то едва заметное.

Не улыбка.

Но близко к тому месту, где у менее контролирующего себя человека она могла бы появиться.

— Вы имеете право на копии документов и независимую оценку.

— От вас?

— Нет. От человека, которому доверяете.

— Я доверяла мужу. Как видите, выбор так себе.

— Тогда не доверяйте. Проверяйте.

Фраза была холодной.

Но почему-то не жестокой.

Арина отвела взгляд.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что Кирилл Андреевич будет убеждать вас подписать новые бумаги.

Она резко посмотрела на него.

— Какие?

— Любые, которые помогут ему выиграть время. Не подписывайте ничего, пока не поймёте, что именно вам предлагают.

— Это забота?

— Нет.

— Тогда что?

— Предупреждение человека, который не любит, когда в его сделках используют тех, кто не понимает правил.

— Вы не любите нечестность?

— Я не люблю хаос.

Арина усмехнулась.

— Очень по-миллиардерски.

— А вы ожидали другую причину?

— Я уже ничего не ожидаю. Это, кажется, полезная стадия.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Осторожнее с этой стадией. На ней часто подписывают худшие решения, потому что уже всё равно.

Арина не сразу ответила.

Эта фраза попала неожиданно точно.

Ей действительно на секунды становилось всё равно. На себя, на документы, на дом, на будущее. Только Миша держал её на поверхности.

— Мне не всё равно, — сказала она. — У меня сын.

— Тогда начните с него. И с документов.

— Вы отдаёте мне советы?

— Нет. Даю последовательность.

Настя тихо сказала:

— У богатых мужчин даже сочувствие выглядит как планёрка.

Арина резко повернулась к ней:

— Настя.

Орлов посмотрел на подругу.

— Возможно, поэтому оно иногда работает.

Настя прищурилась.

— А вы опасный.

— Это тоже чаще всего работает.

— Прекрасно. Арин, забираем документы и уходим от опасного человека, пока он не начал мотивировать нас графиком.

Арина неожиданно почувствовала, как напряжение внутри чуть ослабло. Совсем немного. Не смех даже, а возможность не развалиться прямо здесь, между стеклянной стеной и лифтом.

Орлов перевёл взгляд обратно на неё.

— Мария отправит материалы. Я также попрошу выделить отдельно страницы с вашей подписью.

— Почему?

— Чтобы вы наконец увидели, где именно вас сделали участником.

Грубовато.

Точно.

Слишком точно.

— Я сама тоже виновата, — сказала Арина.

— Да.

Она вздрогнула.

Не ожидала.

Люди обычно либо утешали, либо обвиняли. Орлов сделал что-то третье: признал факт без попытки добить.

— Вы подписали, не прочитав, — продолжил он. — Это ваша ответственность. Но если вас намеренно вводили в заблуждение — это уже ответственность другого человека. Не смешивайте.

Арина молчала.

За последние сутки все вокруг пытались смешать всё в одну грязную массу: её обиду, измену Кирилла, ребёнка, деньги, дом, документы, гордость, страх. Орлов вдруг разделил.

Жёстко.

По пунктам.

И от этого стало легче понять, где боль, а где задача.

— Спасибо, — сказала она неохотно.

— Не за что. Это не услуга.

— Конечно. Вы же не добрый.

— Нет.

— Удобно, когда человек не притворяется.

Он задержал на ней взгляд.

— Да.

Слишком короткое слово.

Но почему-то Арина почувствовала, что в нём было больше, чем подтверждение.

Лифт открылся.

Настя первой шагнула внутрь. Арина — следом. Перед тем как двери закрылись, она увидела, как из переговорной вышел Кирилл. Лицо у него было белое от злости.

Он увидел её рядом с Орловым.

И в этом взгляде впервые мелькнул страх не за документы.

За то, что Арина больше не была одна в коридоре его власти.

Двери лифта закрылись.

На первом этаже Мария догнала их у выхода.

В руках у неё был тонкий конверт.

— Арина Сергеевна.

Арина обернулась.

— Уже?

— Это не все материалы. Только копия одного документа, который Демид Викторович просил передать сразу. Остальное будет на почте.

Настя тихо пробормотала:

— Быстрый хищник.

Арина взяла конверт.

— Спасибо.

Мария кивнула и ушла.

Они вышли на улицу. Ветер с набережной был холодным, резким, живым. Арина остановилась возле машины Насти и открыла конверт.

Внутри лежало три листа.

Копия договора.

На втором листе жёлтым маркером были выделены строки.

Лебедева Арина Сергеевна подтверждает согласие на использование принадлежащей ей доли в качестве обеспечения обязательств по инвестиционному договору...

Ниже — ещё один выделенный фрагмент:

В случае нарушения сроков реализации проекта участник обязуется не препятствовать передаче доли...

И внизу.

Её подпись.

А рядом подпись Кирилла.

Но была ещё одна строка, которую она не заметила в переговорной.

Поручитель подтверждает, что ознакомлен с финансовыми рисками и получил полные разъяснения условий сделки.

Арина смотрела на эту фразу.

Получил полные разъяснения.

Полные.

Разъяснения.

Она вспомнила кухню. Мишины учебники. Кирилла, который положил перед ней бумаги и сказал: «**Подпиши, я всё проверил**».

Вот и всё её полное разъяснение.

Настя заглянула в лист.

— Арин?

Арина не ответила.

Потому что увидела внизу ещё одну отметку. Мелкую. На копии последней страницы.

Контактное лицо по согласованию: К. А. Лебедев.

Подтверждение участия А. С. Лебедевой получено со слов К. А. Лебедева.

Со слов Кирилла.

Арина медленно подняла глаза на стеклянное здание, где наверху её муж, наверное, сейчас объяснял Демиду Орлову, как всё держит под контролем.

Только контроль впервые дал трещину.

Потому что теперь у Арины в руках была бумага, где чёрным по белому значилось: Кирилл не просто скрывал от неё долг.

Он говорил за неё там, где она сама даже не знала, что должна была говорить.

Глава 4. Не трогай моего сына

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.